

ЗАМОКЪ АЛБЕРТА

ИЛИ

ДВИЖУЩІЯ СКЕЛЕТЪ.

Сочиненіе Г жи: Радклифъ.

Переведено съ Французскаго

И. П В Н К В.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Съ дозволенія указнаго.

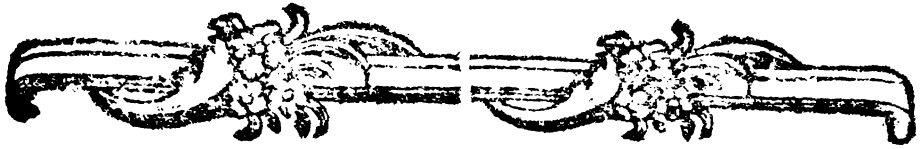

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

Печатано при I мѣ. Кадетскомъ корпусѣ.

1803 года.

ЗАМОКЪ АЛБЕРТА.

Гордые и неблагоприсстойные поступки Брюншильды возбудили гнѣвъ и неудовольствіе Герцога. Онъ приказывалъ ей сѣсть и повиноваться. Сирѣ Раймонъ заперъ двери, предлагая ей учтивымъ образомъ возвратиться на свое мѣсто, и подавалъ руку свою чтобъ довести до онаго; но Герцогиня отскочивъ назадъ бросилась къ дверямъ и старалась ихъ отпереть: ни когда, кричала она, нѣтъ, ни когда не подвергнусь я законамъ дерзкаго нахала, кшо бы онъ ни былъ, хотя бы то былъ и самъ Албертъ.

Герцогъ приказалъ спокойнымъ тиномъ людямъ своимъ удержать Брюншильду, и они готовились было исполнить его повелѣнїе, какъ сїя неукротимая Фурїя выхватила кинжалъ изъ подъ одежды своей и хотѣла пронзить имъ Раймонда; но Гримоальдъ примѣшивъ то, успѣлъ удержать ея руку.

„Твои сумазбродные и нелѣпыя поступки, говорилъ ей Албертъ, доказываютъ явственнѣе невинность подсудимыхъ, нежели всѣ клеветы ихъ донощиковъ могутъ доказать о ихъ преступленїи. Они будутъ судимы со всею строгостїю, и вамъ Сиръ Раймондъ предославляю я произнести приговоръ.“

„Я непокмо что не могу почестъ ихъ преступниками, отвѣчалъ Раймондъ; но напрошивъ того совершенно увѣренъ, что есть заговоръ противъ ихъ жизни; и когда ваша супруга не спанетъ отвѣчать на мои вопросы, то я буду обязанъ совѣстїю признать ея виновницею онаго.“

„Не одни знатные должны искашь защиты въ правосудїи, и поселяне имѣють равное къ тому право. Въ день послѣдняго суда всѣ преимуще-ства исчезнутъ, и Государи учинятся равными простымъ смертнымъ. Богъ устроилъ Князей въ мїрѣ для оказанїя каждому безпристрастнаго правосудїя. Ежели бы открытъ былъ заговоръ на вашу жизнь, то спарались бы разыскашь его съ крайнею строгостїю, хотя жизнь ваша въ общемъ отношенїи не имѣетъ ни какого преимущества предъ жизнью другаго человѣка: слѣдовательно когда спремятся погубить невинныхъ, то не достоинство особы, а великость преступленїя должна привлечь наше вниманїе. Должно еще разсудить, что оказывающїй несправедливостъ, хотя бы былъ Государь, унижается предъ тѣмъ, кого оскорбляетъ, хотя бы то былъ поселянинъ; и ежели высокая степень въ обществѣ должна имѣть на насъ нѣкоторое влїянїе, то въ такомъ только случаѣ, чтобъ бытъ бдительными надъ своими поступками; ибо чемъ болѣе кто образованъ и просвѣщенъ, тѣмъ лучшимъ долженъ бытъ,

и чемъ болѣе имѣешь понятія о поро-
 чности какого дѣянiя, тѣмъ виновнѣе
 становишься совершивъ оное. И такъ я
 объявляю, что Герцогиня съ своими со-
 умышленниками сплела адскую сѣть
 для погубленiя подсудимыхъ, которыхъ
 починаю я невинными; и ежели доноси-
 ки ихъ откажутся оповѣсть явствен-
 но на мои вопросы, или же оповѣсти
 ихъ не могутъ оправдать сего обвине-
 нiя, то я ни какъ не могу перемѣнить
 своего приговора.,

Герцогъ казался удивленнымъ, но
 согласился на то; Герцогиня же испо-
 щала тѣмъ укоризнѣ, такъ что оскор-
 бленный Албертъ угрожалъ возложить
 на нее оковы, ежели не умолкнетъ.

Ни когда Герцогъ не оказывалъ по-
 ликою твердости, и никогда не была
 она ему столь нужна. Брюншильда по-
 чинала за шутку угрозы его до тѣхъ
 поръ, пока и дѣйствительно не возло-
 жили на нее цѣпей, пригошовленныхъ
 ею для Эдгара. Ее принудили къ мол-
 чанью, завязавъ ей ротъ, и она учини-

лась предмѣтомъ удивленія и презрѣнія всего собранія.

Албертъ единожды разсердившись не скоро могъ успокоиться. Хотя ненавидѣлъ онъ подозрѣннѣй, однакожъ не могъ на сей разъ отъ нихъ освободиться. Онъ клялся, что когда Брюншильда уличена будетъ въ преступленіи, въ которомъ кажется виновною, то поступитъ съ нею съ такою же строгостію, съ какою поступилъ бы съ Эдгардомъ, есѣли бы онъ былъ преступникомъ.

Тогда ввели Эдгарда, и Раймондъ вопрошалъ его, въ которомъ часу присѣлъ онъ на помощь къ своимъ товарищамъ; онъ отвѣчалъ, что въ три часа. — „Обвиняемые имѣли ли какое оружіе, и буде имѣли, то въ чемъ оно состояло? — Въ кинжалъ. — Какого цвѣта было платье Дюнифледы? — Зеленаго. — Куда ты пошелъ вчерашняго дня по выходѣ изъ монастыря? — Къ Герцогинѣ Брюншильдѣ. — Долго ли былъ у ней? — Нѣсколько минушъ. — Возвращался ли къ ней въ тошъ же ве-

черъ? — Нѣтъ. — Гдѣ же былъ вышедши оубо Герцогини? — У Герцога. — Куда же пошелъ послѣ того какъ Герцогъ удалился? — Въ свою комнату. — Ночью не выходилъ ли куда изъ нее? — Никуда. — Въ какомъ часу вошелъ ты въ свою комнату? — Въ десять часовъ. — Не видалъ ли кого съ тѣхъ поръ? — Никого.,,

„Отведите его, сказалъ Раймондъ и приведите другаго. Когда онъ предсталъ Рыцарь спросилъ его, какого рода было оружіе обвиваемыхъ? — Кинжалы. — Какого цвѣта было платье Дюнифледы? — Зеленаго. — Въ какомъ часу Эдвардъ приспѣлъ къ нимъ на помощь? — Въ пять часовъ. — Видѣлъ ли ты вчерась Эдварда? — Видѣлъ. — Когда? — Вечеромъ; я провелъ большую часть ночи разговаривая съ нимъ, послѣ того какъ Герцогъ легъ спать. — По какой же причинѣ? — Для того что не имѣлъ охоты ко сну, и не хотѣлъ рано ложиться.,,

„Отведите его и приведите третьяго, сказалъ Раймондъ. Отвѣты сего

послѣдняго не соглашались ни съ Эдвардовыми, ниже съ шѣми, кои дѣлали его соповарищъ, исключая только что сходствовали въ разсужденіи цвѣта плащя Дюнифледы. Велѣли принесть послѣднѣе ея плащье, и увидѣли что оно не было зеленое. Вопросали у жены Гродерна, въ какомъ находилась плащье Дюнифледа, когда къ ней пришла? — Она отвѣчала что въ зеленомъ; но какъ оно было изорвано, вымочено и замарано, то я принудила ее надѣсть то, которое предъ собою видеше.

„Очень легко можно понять, сказалъ Гримоальдъ, по чему сѣи люди согласны въ цвѣтѣ плащя Дюнифледы; Эдвардъ конечно ее видѣлъ въ зеленомъ плащье, и рассказалъ о томъ соповарищамъ, или можетъ они видѣли ее и сами.,,

Довольно, говорилъ Албертъ, должно произнести приговоръ; но въ эту минуту представлятъ предъ ними Гродернъ. — Для чего ты убѣждалъ, спросилъ его Албертъ? — Для того чтобъ спасти сѣдые волосы свои отъ рукъ измѣнниковъ, заклявшихся погубить меня; но

увѣдомясь что вы здѣсь, предаюсь съ довѣренностію вашему правосудію и милосердію : вспомните, Албертъ, что когда осудите невиннаго, то должны будете дать нѣкогда въ томъ опчетѣ верховному Судіи міра. — Нельзя изобразить удивленія сего старика, когда проходя мимо столбовъ припвора, увидѣлъ онъ скованную Брюншильду. Герцогъ увѣдомилъ его о всемъ происшедшемъ, такъ же и о кляпвѣ своей наказатъ спрожайшимъ образомъ виновныхъ, не исключая и самой Герцогини, ежели будетъ изобличена въ участіи. — „Добрый старикъ, сказалъ ему Албертъ, въ твою волю предаю участь Брюншильды и ея соумышленниковъ; произкеси имъ приговоръ, и онъ съ точностію будетъ исполненъ. „

Герцогъ закрылъ руками лице свое, и казался нѣсколько минутъ погруженнымъ въ прискорбіе; онъ видѣлъ сколь недостойно обманутъ былъ въ своей довѣренности, какимъ гнуснымъ образомъ употребила во зло Брюншильда власть ей отъ него ввѣренную, такъ что чрезъ пероки свои, на которые

смотрѣлъ онъ сквозь пальцы, дошла до пресупленія; сожалѣлъ о пагубной своей снисходительности, и упрекалъ себя во всѣхъ беззаконіяхъ, которыя долженъ былъ предупреждать; наконецъ чувствовалъ, что ежели оставитъ это безъ наказанія, то самъ почтенъ будетъ во всемъ томъ участникомъ. Гродернъ взиралъ на него съ видомъ сожалѣнія и хранилъ молчаніе.

„Говори же Гродернъ, сказалъ ему Герцоги, не открывая своего лица, будь справедливъ и снисходителенъ; участь моей супруги въ рукахъ твоихъ, и ты можешь располагать ея жизнію.“

По нѣсколькихъ минутокъ молчанія старикъ отвѣщивовалъ: — „Я присуждаю ее заключить на цѣлый мѣсяцъ въ тайнственное отдѣленіе замка; не допуская никого изъ ея друзей съ нею видѣться. Соумышленники же ея да заключатся въ темницы замка, съ тѣмъ чтобы каждодневно въ печеніи одного года, употреблять ихъ въ публичныя работы, слѣдующую же за то плату, отдавать несчастному Жакмару, отцу

двухъ юныхъ дѣшей, коихъ мать они умершвили. Что же касается до измѣнника Эдварда, который подѣ имеемъ Альвина, былъ настоящимъ и главнымъ убійцею Дюнифледы, то все его имѣніе да продается въ пользу сихъ сиротъ.,,

„Добрый старикъ, вскричалъ Герцогъ открывъ лице свое, и взирая на Гродерна съ видомъ извѣвающимъ почтеніе и признапельность, ты уподобился Богу въ милосердіи, ты изрекъ правосудное и милоспивое рѣшеніе, да исполнится оно во всей точности; я опасался чшобъ ты не приговорилъ Брюншильду къ смерти. — Но по чему же ты не просилъ ни чего для себя?.,

„Я не имѣю ни въ чемъ нужды; сынъ мой молодъ и здоровъ, и однихъ трудовъ его рукъ довольно для пропитанія обѣихъ насъ; дѣши же Дюнифледы лишились своей матери, и Жакмаръ упражняясь въ работѣ не можетъ имѣть за ними присмотра. Что же касается до вашей супруги, то ни вы ни я не имѣемъ ни какого права лишить ее жизни, сего дара Небесъ, со-

стоящаго въ непосредственной ихъ власти, и котораго мы не могли ей дать. При томъ же хотя она и спремилась исторгнуть нашу жизнь, но Богъ до того недопустилъ.,,

Радостный и одобришельный шумъ раздался по всему собранію. Я не стану описывать сей сцены; воображеніе читателя можетъ лучше представить всеобщее удовольствіе зрителей, бѣшенство Герцогини съ ея соучастниками, и веселіе и признашельность не праведно обвиняемыхъ.

Связь приключеній приводитъ насъ къ юной Гильдегардѣ, которая должна теперь обратиться вниманіе читателя.

Гильдегарда была единородная дочь Алберта и Брюншильды. Съ самаго младенчества мать ея ни сколько не старалась о ея воспитаніи, ввѣривъ оное нерадивому присмотру служителей своихъ. Брюншильда ни когда не ощущала матерней нѣжности; ибо сіе добродѣтельное чувствіе не можетъ обитать въ сердцѣ столь развращен-

номъ. Албертъ любилъ свою дочь; но попеченія отца не могутъ быть достаточны къ образованію и направленію первыхъ склонностей младенчества. Гильдегарда рожденная съ тихимъ и послушнымъ характеромъ, удобно могла развратиться правилами и примѣрами своей матери; но отвращеніе къ ней Брюншильды отъ того ее предохранило. Оставленная въ полное надзираніе кормилицы, обитала она въ дальнемъ и мрачномъ отдѣленіи наковцѣ замка. Ни когда мать не посѣщала ее, ни когда даже не навѣдывалась о ея здоровьѣ, и видѣлась съ нею только въ то время, когда отецъ призывалъ ее къ себѣ; но и въ сихъ случаяхъ Албертъ старался болѣе о ея забавахъ, нежели о ея образованіи.

Герцогъ былъ добродѣтеленъ; онъ ненавидѣлъ пороки подъ какими бы видами они ни сокрывались, и любилъ правосудіе. Будучи отъ природы крошкимъ, но слабымъ и недалновиднымъ, не могъ онъ много содѣйствовать въ воспитаніи своей дочери, по чему и препоручилъ оное старому музыканшу

живущему съ давняго времени въ замкѣ; одному же изъ почтенныхъ духовныхъ, покрытому сѣдинами, ввѣрено было наблюденіе надъ ея нравственностію. Гильдегарда споль была добродушна, ея свойства дѣлали такую противоположность со свойствами ея матери, что она почти была обожаема малымъ дворомъ своимъ. Старой музыкантъ удивлялся быспрымъ успѣхамъ ея во всемъ шемъ, чему могъ ее научить. Весьма жаль, говорилъ онъ часто самъ себѣ, что сіи прекрасныя сѣмена исплѣваютъ и пропадаютъ, неимѣя надлѣжащаго воздѣлыванія! Какіе таланты сіе рѣдкое дитя могло бы приобрести! Какое блестящее лице могла бы нѣкогда изъ себя представить, если бы имѣла другую мать! — Гильдегарда сполько же была прекрасна, сколько и добродѣтельна; наружныя ея прелести казалось придавали въ ней новый блескъ душевнымъ совершенствамъ, и шѣмъ дѣлали ее еще любезнѣйшею: чемъ болѣе кто зналъ ее, шѣмъ болѣе любилъ. Щасливое одиночество, въ которомъ жестокая мать оставляла провождать дни ея юности, предохра-

нило ее отъ заразы порока, и соблюло драгоцѣнную невинность ея сердца. Когда достигнула лѣтъ, въ которыхъ признается нужною исповѣдь, тогда милыя выраженія невинности и чистоты, наполнили удивленіемъ почтеннаго и добродѣтельнаго ея духовника.

Сей достойный духовный научилъ Гильдегарду укрощать движеніе гнѣва, изслѣдованіемъ причинъ онаго, посредствомъ чего, прежде нежели сей порокъ могъ вкоренишься, одержала она верхъ надъ своими спрасями, и присбыкла перпѣливо сносить всякаго рода неудобольствія. Но сей мудрый наставникъ не былъ безсмертенъ. Гильдегарда лишилась въ немъ нѣжнаго опца и вѣрнаго друга. Мѣсто его заступилъ одинъ Иностранецъ, которому она не могла уже ни чего ввѣрять, кромѣ своей исповѣди. Она прогуливалась часто съ старымъ Фредегеромъ по уединеннымъ дорожкамъ сосѣдственнаго лѣса; пособляла ему носить его Арфу, и сидя на берегу ручейка извиающагося по цвѣтущей лужайкѣ, внимала пріятной музыкѣ своего учителя. Хаживала съ нимъ по

хижинамъ выслушивая съ участіемъ жалобы бѣдныхъ поселянъ, и стараясь по возможности облегчить ихъ жребій. Посѣщала часто несчастную Дюнифледу и смиренное убѣжище почтеннаго Гродерна. Здѣсь по увидѣла она юнаго Эдгара, и здѣсь любовь поселилась въ сердцѣ ея.

„Вы не должны имѣть такой привязанности къ сыну поселянина, говорилъ ей однажды старой музыкантъ. Она схвативъ Арфу, отвѣчала ему слѣдующимъ пѣніемъ:,,

Ахъ! сколь прѣятно мнѣ взирать на красоту моего Эдгара; онъ сынъ бѣднаго поселянина, но плѣнилъ мое сердце.

Но кто же сама я? — Бѣдная оставленная дочь; не имѣю ни достоинства, ни имущества, и совершенно забыта своими родителеми; для чего же не любить мнѣ сына бѣднаго поселянина?

„Албертъ ни когда не согласится на бракъ вашъ съ Эдгаромъ. — На бракъ

мой! — о Небо! -- Ни когда я этого не желала. Я люблю его болѣе всѣхъ, и въ одномъ этомъ состоить все мое удовольствіе. -- Юный Эдгаръ любилъ не съ меньшею нѣжностію Гильдегарду: онъ одаренъ былъ рѣдкими понятіями, разумъ имѣлъ совершенно образованный, сердце великодушное, и всѣ наружныя пріятности, возбуждающія любовь и удивленіе. Но сынъ поселянина, скажетъ предразсудокъ, не долженъ осмѣлился любить Гильдегарды.

Красота Гильдегарды развивалась вмѣстѣ съ лѣтами; она ощущала въ сердцѣ своемъ живѣйшія ощущенія доселѣ ей неизвѣстныя. Старый другъ ея несуществовалъ уже: она лишилась мудраго своего Маншора.

Музыкантъ и кормилица заплашили такъ же послѣднюю давь природѣ. По смерти ихъ Гильдегарда имѣла свободу ходить по замку; она введена въ общество и представлена собраніямъ.

Брюнхильда видѣла съ негодованіемъ возрастающую прелести своей дочери, и

взирала на нее какъ на опасную соперницу. Все въ ней, не исключая и самой красоты, было совершенною противоположносцію прошивъ ее махери. Брюншильда почиталась изъ первѣйшихъ красавицъ Франціи; но въ красотѣ ее не доспавало самыхъ разительнѣйшихъ прелесней: она ослѣпляла но не привлекала. Могла возбудить желанія, но не способна вдохнуть нѣжныхъ чувствѣй любви. Красота Гильдегарды не столько была правильна, но гораздо болѣе имѣла привлекательности. Гильдегарда въ семнадцать лѣтъ предспавляла въ пріятности, свѣжестъ и милую невинность своего возраста; на прошиву того Брюншильда будучи шридцати лѣтъ, смѣлымъ взоромъ своимъ казалось принуждала себя обожать. — Въ крошкѣ физіогноміи Гильдегарды зрѣлось напечатлѣннымъ ея добродушіе; видѣ же Брюншильды извѣвлялъ неукротимостъ страстей ея.

Албертъ не считая уже дочери своей младенцемъ, видѣлъ съ прискорбіемъ безчеловѣчное отвращеніе къ ней Брюншильды, и старался по замѣнитъ

своею приверженностію. Онѣ вознамѣрился самѣ образовашь ее, и попеченія его вознаграждены были успѣхами превзошедшими всякое упованіе. Коль скоро Брюншильда замѣчала нѣкоторое опличіе оказываемое своей дочери, то тогдаже приказывала ей удалиться, и Гильдегарда повиновалась безъ прекословія. Хотя она имѣла къ обществамъ охоту свойственную своимъ лѣшамъ; но робкая ея недовѣрчивость къ самой себѣ, принуждала ее чаще избѣгать, нежели искать многолюдныхъ собраній.

Гильдегарда имѣла особыя комнаты и женщинѣ для своей прислуги; но этого было не довольно: ей недоставало друга. При семѣ дворѣ, гдѣ пороки владычествовали, всѣ почти женщины болѣе или менѣе были ими заражены. Тѣ, которыя составляли дворѣ Гильдегарды, не способны были цѣнить ее достоинствѣ, и очень мало старались ей нравиться, по чему и не могла она избрать изъ нихъ для себя повѣренной.

Графѣ Рихардѣ презиралъ всѣми союзами, могущими быть преградой его

желаніямъ. Онъ не уважалъ никогда позволенными наслажденіями, но жадничалъ тѣхъ, которыя воспрещены законами нравственности и чести. Гильдегарда была его племянницею и самый законъ природы дозволялъ ему любить ее иначе какъ дочь свою; но этого уже и довольно чтобъ возбудить въ немъ порочныя желанія; ибо ежели бы она не была ближнею его родственницею, то онъ взиралъ бы на нее безпристрастно. Онъ открылся въ томъ сестрѣ своей, которая неупустила одобритъ сего скопскаго каприза. Добродѣтель Гильдегарды была предметомъ ненависти ея, и она желала видѣть ее равною себѣ во всѣхъ степеняхъ порока и развращенія.

Графъ былъ чрезмѣрно хитръ, чтобъ Албертъ могъ примѣнить его намѣренія; при томъ же Герцогъ не весьма былъ проницателенъ, и рѣдко могъ по настоящимъ признакамъ предузнавать будущія приключенія. Гильдегарда не знала свойствъ своего дяди, по чему и не могла совершенно понимать смысла его извѣстній. Ей казалось

столь не вѣроятнымъ, чтобъ дядя вздумалъ объявить любовь свою племянницѣ, что когда уже и неоставалось въ немъ ни какого сомненія, то думала что винные пары помрачили разумъ Графа, или что она не совершенно выразумѣла нѣкоторыя его выраженія. Когда же наскучивъ внимать нелѣпнымъ ласканіямъ своего дяди оказывала нѣсколько неперпѣливости, то Брюншильда называя это не учтивостью, неупускала спрога ей за то выговаривать. Она хотѣла увѣдомить о томъ своего отца, но не знала какъ къ тому приступить, хотя и часто признавалась ему въ отвращеніи своемъ къ дядѣ. И такъ одно средство оставалось ей, чтобъ какъ возможно рѣже выходить изъ своихъ комнатъ. Въ томъ день, когда происходилъ судъ въ монастырѣ, Гильдегарда желая знать кто поѣхалъ съ отцемъ ея, спрашивала о томъ у одной изъ своихъ женщинъ, которая будучи подкуплена Графомъ, отвѣчала по его приказанію, что и дядя ея такъ же въ оплучкѣ и что ни кого неоспалось въ замкѣ, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ служителей и обыкновенной спра-

жи. Почитая себя свободною отъ всякой непріятной встрѣчи, велѣла она снести Арфу свою въ большую залу. Жестокость ея матери и доукоривоспѣ дяди дѣлали положеніе ея несноснымъ, и заставляли часно проливать слезы, какъ что Арфа оставалось единственною для нее утѣхою, и въ семъ случаѣ вознамѣрилась нѣсколько разсѣять ея мрачность мыслей своихъ.

Она лишь только перестала играть, какъ дядя ее вошелъ въ залу. Это нечаянное явленіе несказанно ее смутило; опасаясь оскорбить его скорымъ уходомъ, выждала съ нетерпѣливостію случая удалиться, не дѣлая вида что его убѣгася.

Графъ былъ радъ тому, что причинилъ ей боязнь своимъ присутствіемъ; ибо онъ находилъ удовольствіе устрашать ихъ, коихъ имѣлъ въ своей власни. При всемъ томъ нежелая вселишь въ нее подозрѣній о своихъ видахъ, старался смягчить свирѣдость взора своего, но все его усилія къ приващію нѣжнаго вида остались тщетны-

ми. Человѣкъ чуждый всѣхъ добродѣтельныхъ чувствій, и не знавшій не токмо что любви, но даже и самаго сожалѣнїя, трудно можетъ выразишь глазами то, чего никогда не ощущалъ въ сердце своемъ. Отвращенїе оказываемое ему племянницею, побуждало его преслѣдовать ее изъ одного мщенїя. Графъ никогда не былъ любимъ ни одною женщиною. Многїя его боялись, другїя оказывали благосклонность за деньги, но всѣ безъ изъятїя не могли его перпѣшь, и столь сильно ненавидѣли, что первѣйшее его удовольствїе состояло въ томъ, чтобъ копорую ни будь изъ нихъ обезчестить.

Дабы разогнать на нѣскольکو времени боязнь своей племянницы, и удобнѣе уловить ее въ сѣпи свои, взялъ онъ ея Арфу и началъ пѣшь. Рихардъ имѣлъ довольно прїятный голосъ и игралъ порядочно на Арфѣ; Гильдегарда слушая его начала было забывать страхъ свой, какъ онъ вдругъ оставивъ Арфу, схватилъ руку своей племянницы, копорую щещно она освободить старалась, и бросился предъ нею на колѣни, спраши-

вая для чего убѣгаетъ его присутствія, и чемъ онъ имѣлъ не щастіе ей не понравиться.

„Для того что вы не престаёте меня мучить, и ваши смѣлые взгляды меня устрашаютъ.,,

„Я всегда говорю съ тобой о моей нѣжнѣйшей къ тебѣ любви; для чего же убѣгаешь того, кто тебя любитъ?.,,

„Но вы мнѣ дядюшка, отвѣчала она, стараясь вновь вырваться изъ рукъ его.,,

„Сколько разъ слышалъ я желанія твои быть любимой отъ своей матери, по чему же не хочешь быть любимой такъ же отъ своего дяди?.,,

„Судя по тому, что вы мнѣ безпрестанно твердите, не могу я имѣть такого желанія.,,

„Ну такъ по крайнѣй мѣрѣ престаю меня ненавидѣть. Ты любишь свою маленькую собачку и ягненокка, кошорья тебя такъ же любятъ, но

гораздо меньше нежели я тебя люблю. О Гильдегарда! Ежелибъ я былъ столь щасливъ, чтобъ получишь отъ тебя хотя половину ихъ ласканій, которыя ты оказываешь этимъ живописнымъ.,,

„Я люблю ихъ для того, что они только что забавляютъ, а не мучатъ меня никогда.,,

„Скажи, чемъ можно заслужишь твою любовь?.,,

„Тѣмъ чтобъ опустить меня отсюда.,,

„Этого то я не могу здѣлать; моя сестра препоручила мнѣ имѣть за собой смѣрливѣе во время своего отсутствія.,,

„Прошу васъ опустить меня въ мою комнату. — Приласкай меня какъ свою Фидельку, и дозвожь подобно ей всюду за собою слѣдовать. При семь ханѣхъ поцѣловашь ее, но она успѣвши вырваться стремилась въ свои комнаты, и тогда слышали звукъ роговъ

возвѣщающихъ о прибытіи Герцога. Рихардъ вышелъ изъ залы, а Гильдегарда не желая вспрѣшнись съ матерью, удалилась къ себѣ для размышленія, какимъ образомъ должна была разположить впредь посшупки свои.

Герцогъ со свитою своею прибылъ въ замокъ; Брюншильду сняли съ лошади, на кошорой была она связана, ввели въ ея комнаты, гдѣ ея мужъ велѣлъ щущельно за нею присматривать, во ожиданіи доколѣ не пригошовапшъ для нее шѣхъ, въ кошорыхъ должна быть на мѣсяцѣ заключена. Албертъ не смотря на худой успѣхъ перваго своего посѣщенія, въ такъ названное отдѣленіе духовъ, рѣшился вновь попышашься въ слѣдующую ночь, въ надеждѣ, не откроешь ли какими способами сыграли съ ними шупку, и вывели ихъ въ неизвѣспныя ворота.

Графъ Рихардъ не умедлилъ извѣспнись о участи своей сестры, и это неожиданное приключеніе умножило ненависть его къ Алберту. Онъ рѣшился ускорить мщеніемъ, но принимая

всевозможныя предосторожности къ со-
 крышю своей злобы; опорочиваль по-
 ступки сестры своей, и хвалиль пра-
 восудіе Алберта, зная что малѣйшее въ
 семъ случаѣ подозрѣніе можетъ ввер-
 гнуть его самого въ заключеніе, или
 изгнать изъ замка. Тщешно просилъ
 онъ дозволенія на минушу переговорить
 съ Брюншильдой, искалъ такъ же
 увидѣться съ коперымъ ни будь изъ
 ея любимцевъ; но они были въ темницѣ
 и строго присматриваемы. Объявляя
 бѣшенствомъ заперся въ своей комна-
 тѣ, и проводилъ остатокъ дня, вымы-
 шляя планы, для произведѣнія въ дѣй-
 ство злобнаго своего предпріятія. Онъ
 научился отъ Гунильды, своей матери,
 составлять тонкіе яды, коихъ дѣй-
 ствія, сопряженныя съ большимъ или
 меньшимъ мученіемъ, могъ, смотря по
 надобностямъ, чинить скорыми или про-
 должишельными. По причинѣ неблагопри-
 стойныхъ поступковъ Брюншильды, Гер-
 цогъ давно уже отвыкъ ночевать въ ея
 комнахахъ; занимаемые же имъ тогда,
 были одни обитаемы въ сей части зам-
 ка; ибо хотя комнаты сосѣдственныя
 были заняты въ прошедшую ночь, но

по возвращеніи изъ монастыря всѣ гости уѣхали изъ замка, считая за неблагоприспособность оставаться въ то время, когда опечаленный Герцогъ оплакивалъ стыдъ своей супруги, и наказаніе, которое долженъ былъ учинить съ нею по необходимости, дабы не почли самого участникомъ въ ея преступленіяхъ. Рыцари готовились такъ же уѣхать, но Албертъ удержалъ ихъ увѣряя, что ихъ сообщество послужитъ къ разогнанію его скуки въ семъ прискорбномъ для него случаѣ. Почтеніе его къ Раймонду несказанно усугубилось, и даже о Гримоальдѣ начиналъ онъ быть лучшихъ мыслей.

Рихардъ весьма былъ радъ узнавъ что Албертъ ночуетъ въ уединенной комнатѣ, гдѣ не скоро могли подать ему помощь. Это обстоятельство казалось способствовало успѣхамъ жестокихъ его предпріятій. Но при томъ опасаясь, что одинъ не можетъ столь удачно совершить злодѣянія, спрятался въ томъ Гондемару своему любимому служителю, и посредствомъ не малой денежной награды, преклонилъ его кля-

стѣся содержать оное втайнѣ, и вспомо-
ществовать намѣренію его. Рихардъ не
ужиналъ съ Герцогомъ, подѣ предлогомъ
прискорбія о поступкахъ сестры своей,
и оспавался въ своей комнашѣ.

Албертъ находясь за столомъ съ Гри-
моальдомъ и Раймондомъ, спросилъ по-
слѣдняго, что значило слово *люсим-*
цевъ, произнесенное имъ во время про-
цесса Эдгара. Это слово поразило его
слухъ и здѣлало въ душѣ глубокое впе-
чатлѣніе; онъ такъ же примѣнилъ что
Брюншильда, хотя весьма раздраженная
симъ выраженіемъ, но несполь усильно
пребывала оному изъясненія, какъ бы
всякая добродѣтельная женщина, буду-
чи на ея мѣстѣ, должна была учинить.
Раймондъ не могъ бы отказать ей въ
томъ безъ собственнаго нареканія; но
Брюншильда видя его въ готовности
ошвѣчать, прекратила дальнѣйшіе о
томъ вопросы. Все это привлекло вни-
маніе и возбудило любопытство Албер-
та. Онъ вопрошалъ такъ же Раймонда,
что разумѣлъ онъ чрезъ *тайные пере-*
говоры. Раймондъ не замедлилъ его
удовлетворить; ибо онъ не способенъ

былъ обвинять кого либо въ вреспу-
пленіи безъ ясныхъ доказательствъ.

„Вчерашняго дня вечеромъ, говорилъ онъ Герцогу, дожидая васъ, услышалъ я что нѣкто идетъ по галлерей, за нѣскольکو шаговъ отъ моей комнаты. Думая что это вы, и желая по скорби съ вами соединиться, отворилъ я шпихонько дверь, и увидѣлъ Эдварда, который не примѣтивъ меня, вошелъ въ комнаты вашей супруги, въ сопровожденіи двухъ дощиковъ, которыхъ мы допрашивали. Нѣскольکو спустя услышавъ что они вышли, отворилъ опять дверь; но это были двое послѣднихъ, Эдвардъ же остался у Герцогини. Трудно меня увѣрить, чтобъ это ночное свиданіе было невинно: покрайнѣй мѣрѣ должно почестъ его неблагоприсноймъ и весьма подозрительнымъ, и я думаю что мои по сему случаю выраженія не покажутся вамъ теперь не приличными.,,

„Гнусная и вѣроломная жена! вскричалъ Герцогъ. Всѣ проказы и таинственный спукъ, слышимый въ запусѣломъ отдѣленіи замка, конечно естъ

хитрости твоего изобрѣшенія, чтобъ тѣмъ сокрыть развращенія свои; но я не удовольствуюсь теперь заключеніемъ ее на одинъ мѣсяцъ въ это отдѣленіе: всю жизнь свою проведетъ она тамъ. Я никогда не могъ ее любить; но при всемъ томъ прилагалъ всѣ способы скрывать отъ нее свою холодность. Всегда поступалъ съ нею какъ съ обожаемою супругою, предупреждая малѣйшія ея желанія. Мой отецъ, стараясь болѣе о моемъ богатствѣ, нежели о счастья, принудилъ меня вступить съ нею въ бракъ, хотя я страстно влюбленъ былъ въ другую, которой лишился безвозвратно: она посприглась въ своего опечесива, и конечно оплакиваетъ свои и мои несчастія. Соединясь съ Брюншильдою учинился обладателемъ обширныхъ ея помѣстievъ; но еще не давно получилъ во владѣніе сей замокъ. Будучи увѣренъ о искренней ея ко мнѣ привязанности, далъ ей съ самаго брака своего, полную волю управлять всемъ, по своимъ прихотямъ. Но забудемъ о предметѣ не достойномъ нашего вниманія. Приготовимся къ другому посѣщенію духовъ, и воз-

немъ каждый по лампадѣ, въ предупреденіе чѣтобъ не ошашься опять въ шемношѣ „

Можетъ быть покажется необычайнымъ, что Албертъ выбралъ въ другой разъ ночное время для посѣщенія опустѣвшаго отдѣленія; но какъ онъ начиналъ вѣришь, что всѣ рассказы объ немъ вымышлены Брюншильдою, или ея соучастниками для сокрытія своихъ интригъ, то ночь показалась ему удобнѣйшимъ для того временемъ, ибо днемъ непременно бы всѣ провѣдали о такомъ предпріятіи, и постарались бы оное предупредить.

Слѣдуя предложенію Герцога каждый изъ нихъ взялъ по лампадѣ, хотя Гримоальдъ нѣсколько спыдился сей предосторожности, которая казалось упрекала его въ прежней робости и не мало поражала его тщеславіе. Доспигли комнаты Скелеша, не видя и не слыша ни чего заслуживающаго вниманія; дверь была заперта, Герцогъ шедши напередъ отворилъ ее, и вдругъ упала предъ нимъ на землю бумажка. Онъ

поднялъ се, развернулъ и читалъ слѣдующее: „Нѣкто покушается на мою жизнь; блюди такъ же надъ Гильдегардой. Какая польза въ томъ что заперъ львицу, оставивъ льва на свободѣ производишь свои свирѣпства.“

Они разсуждали нѣсколько времени о сихъ спрочахъ, но не могли ни какъ ихъ располковать; при всемъ томъ казалось имъ не бесполезнымъ что не оставили этого безъ вниманія, и Герцогъ положилъ бумажку въ карманъ. По томъ начали осматривать комнату, въ которой постелю и всѣ мебели нашли въ прежнемъ порядкѣ; но не было уже скелета. Усугубивъ вниманіе примѣтили довольно большое пространство пола обогренною кровію, какъ видно съ давняго уже времени, и испекавшею въ такомъ количествѣ, что скопившись у дверей составила не большой бугорокъ. За нѣсколько шаговъ отъ постели нашли на землѣ серебряный сосудъ, который повидимому сильно былъ брошенъ, по тому что одна сторона его была помята, и столь онъ почернѣлъ, что едва можно было узнать родъ ме-

палла. Близъ сего сосуда на полу видны пятны произведенныя черною жидкостію. Сїи признаки подали поводъ ко многимъ догадкамъ. Они всѣ согласились въ томъ, что совершенно убійство въ сей комнатѣ; но кто былъ жертвою онаго, того ни какъ не можно было узнать; ибо нельзя было надѣясь вывѣдать о томъ отъ Графа, а тѣмъ менѣе отъ его сестры. И такъ оказаніе правосудія родственникамъ убишаго, должно было предоставитъ суду Божію, или доколѣ само собою дѣло сіе не обнаружится. Тогда Гримоальдъ сказалъ съ обыкновенною своею дерзостію, что онъ приемлетъ на себя здѣлать о томъ надлѣжащія изслѣдованія и допроситъ Брюншильду, присовокупя къ тому, что обязанъ должностію настоять о дозволеніи здѣлать допросъ Герцогинѣ и ея брату, и увѣрялъ что надѣется въ томъ на ловкость свою, и вывѣдаетъ отъ нихъ непременно о истинѣ сей исторіи: по тому что ни когда, говорилъ онъ, не встрѣчалъ я ни одного, такъ называемаго, привидѣнія, чтобъ его не выгнать и не открыть причины его проказъ.

„Я этому вѣрю, сказалъ Раймондъ, ежели по вашимъ словамъ встрѣчали вы только крысъ и нешопырей; но прошу васъ сказать, какого рода была крыса, принудившая васъ вчерашняго дня вырывать изъ рукъ лампаду, или что за нешопыри, забавлявшіе насъ пѣніемъ, между тѣмъ какъ вы купались въ болошѣ?„

Гримоальдъ отвѣчалъ сердито, что теперь шушки не у мѣста и что въ другое время докажетъ онъ упрямому Англичанину, что храбрость и достоинство его особы, заслуживающъ гораздо лучшаго вниманія, нежели какъ онъ думаетъ. „По чему знать, присовокупилъ онъ, можешь быть собственныя мои выгоды терпѣть отъ этого убійства, и я болѣе всѣхъ имѣю права объ ономъ розыскивать.„

„Да кто же ты такой? спросилъ его Албертъ.„

„Гримоальдъ испителъ, отвѣчалъ Раймондъ, смѣясь изъ всѣхъ силъ.„

„Я Рыцарь, и это вамъ докажу, сказалъ незнакомецъ выходя гордо изъ комнашы.,,

Болѣе ни чего не случилось съ ними въ сїю ночь, по чему проведя нѣсколь-ко времени въ комнашахъ, вышли.

Большая часть ночи уже протекла, и какъ они чувствовали болѣе охоты къ разговорамъ нежели ко сну, то направили путь свой къ комнашѣ Герцога, стараясь пробираться сколь возможно тише, дабы не быть ни ошъ кого услышанными.

Нѣсколько спустя по возвращенїи ихъ, Графъ Рихардъ выходитъ вдругъ изъ кабинета, держа въ одной рукѣ сосудъ а въ другой кинжалъ; онъ отско-чилъ назадъ съ удивленїя примѣтивъ двухъ Рыцарей, вошедшихъ столь тихо что онъ не слыжалъ, да и нельзя было ему прежде ихъ увидѣть, по тому что дверь кабинета была заперта. Но испугленїе его было не долговременно; онъ бросаетъ сосудъ, изъ котораго въ первомъ движенїи своемъ разлилъ нѣ-

сколько жидкости, и спремится къ Герцогу въ намѣреніи пронзить его кинжаломъ. Двое Рыцарей схвативъ его недопустили до Алберта; но онъ спараясь опѣ нихъ вырваться освободилъ одну руку свою, вынялъ другой кинжалъ, и вонзилъ его въ бокъ Раймонда, который былъ тогда безъ кирасъ. Рыцари въ прошедшую ночь находились въ полномъ вооруженіи, опасаясь какой либо измѣны со стороны Герцога, но по томъ не имѣя на щепѣ его ни какихъ подозрѣній, сочли такую предосторожность, для пустыхъ привидѣній, не нужною.

Съ помощію Алберта схватили они убійцу; но онъ столь былъ силенъ, что они съ прудностію могли его держать. При томъ же Раймондъ не могъ долго дѣлать имъ вспоможенія, ибо рана причиняла ему несносную болѣзнь. Онъ увѣрялъ, что кинжалъ прошелъ не глубоко, но чувствовалъ воспаленіе во всей этой части, и не обычайную слабость, хотя не много потерялъ крови. Герцогъ и Гримоальдъ были въ величайшей нерѣшимости; они не могли оставить Ри-

харда, чтобъ подать помощь Раймонду, и даже сами имѣли нужду въ его пособіи для удержанія Графа. Они могли легко его убить, но Албертъ имѣлъ намѣреніе испоргнуть изъ него признаніе, могущее обнаружить то злодѣяніе, о которомъ подозрѣніе на него упало. Старались его впасть въ другое опредѣленіе замка, гдѣ надѣялись получить скорую помощь; но Рихардъ прошивился всѣмъ ихъ усиліямъ.

„Убѣйте его, кричалъ Гримоальдъ.,,

„Нѣтъ, отвѣчалъ Албертъ, пусть онъ живетъ для признанія и раскаянія въ злодѣйствахъ своихъ ,,

„Въ комнатѣ обитаемой духами найдете нужную помощь, сказалъ позади ихъ голосъ, отъ котораго Рихардъ поблѣднѣлъ и задрожалъ ,,

Дрожащій убійца потерялъ всѣ свои силы и казался лишеннымъ чувствъ.

„Графъ Рихардъ, вскорѣ предста-
нетъ и отмститъ за свои обиды, про-
должалъ голосъ.“

Сїи слова столь испугали Графа,
что волосы поднялись дыбомъ на головѣ
его, на лицѣ изобразился сильный ужасъ,
и онъ здѣлавъ послѣднее усиліе вырвал-
ся изъ рукъ ихъ и бросился къ две-
рямъ.

Всеобщее удивленіе произведенное
неизвѣстнымъ голосомъ и чрезмѣрнымъ
ужасомъ Графа, понудило державшихъ
его выпустить изъ рукъ, и онъ во-
спользовавшись тѣмъ достигъ было
дверей; но шумъ остановленъ былъ
двумя служителями Алберта, которые,
по щастію для нѣкоторыхъ надобностей
находились не далеко отъ комнаты
Герцога, и будучи привлечены шумомъ
многихъ голосовъ, между коими разли-
чили крикъ своего господина, прибѣжали
въ то самое время къ дверямъ, когда
Графъ сиѣшилъ изъ нихъ выйти. Без-
порядокъ его одежды и дикіе взоры по-
будили ихъ схватить его.

Албертъ приказалъ имъ вшащипъ Графа въ его комнашу и тамъ сковать, что и исполнили они съ помощію сошварической своихъ.

„Это конечно и есть тотъ левъ, говорилъ Гримсальдъ, отъ котораго неизвѣстная цидулка велѣла вѣтъ осперегаться. — Но гдѣ же Сиръ Раймондъ?“,

Они побѣжали и нашли его въ одной комнашѣ, изъ которой не имѣлъ онъ силы вышши.

Осмапривая рану его увидѣли что она сильно воспламенилась, и почернѣла во многихъ мѣспахъ. „Я думаю, говорилъ Раймондъ, что кинжалъ сего злодѣя напоенъ ядомъ, по тому что обыкновенная и столь легкая рана, не можетъ произвести такой боли и слабости, какую я чувствую.“,

Тотъ же часъ оказали ему нужное вспомоществованіе, и мало по малу болѣзнь и слабость его уменьшились.

Нѣкто изъ спрегущихъ убійцу сказалъ своимъ сотоварищамъ , что Сиръ Раймондъ скончался, тогда Графъ вскричалъ: „очень жаль что не Албертъ! Этого напсенный ядомъ кинжалъ для него былъ назначенъ, въ случаѣ когда бы онъ отказался отъ наипшка, мною ему пригошовленнаго.,,

„Дерзкій предатель, сказалъ ему Гримеальдъ, услышавъ его, сей же часъ повергъ бы я во адъ гнусную душу твою , прекративъ мерзкую твою жизнь, естлибъ ты не заслуживалъ должайшихъ и жесточайшихъ мученій.,,

„Я смѣюсь твоимъ угрозамъ, отвѣчалъ ему Графъ съ сапанинскою гримасою; въ моей власпи состоитъ прервать дни свои въ одно мгновеніе. Ты можешь меня убишь; но не въ силахъ продолжишь жизни моей ни на одну минушу, когда того не захочу.

Уже разсвѣло, и Герцогъ разсуждалъ съ своими сотоварищами о мѣрахъ, какія долженъ былъ предпринять, какъ вдругъ одна изъ женщинъ Гильдегарды

вбѣгаепѣ въ комнату крича испуганнымъ и прерывающимся голосомъ: „о моя госпожа! моя добрая госпожа! Что съ нею здѣлалось? Отдайте мнѣ мою госпожу!„

„Что значитъ этотъ крикъ! спросилъ Албертъ „

„О государь! Гильдегарда уѣхала; она пропала. Мы искали ее вездѣ, но не нашли; она пропала!„

Рихардъ убійца возобновилъ злобную свою улыбку. Герцогъ приказывалъ служанкѣ Гильдегарды успокоиться, но она продолжала выть столь сильно, что Герцогъ начиналъ подозрѣвать, не кроюща ли какіе виды въ такомъ прищворномъ опчаянїи. Оставивъ одного служителя съ Гримоальдомъ для присмотра за Графомъ, пошелъ чшобъ освѣдомиться точно ли скрылась его дочь. Онъ узналъ что дѣйствительно всюду переискали ее бесполезно, и ни кто не могъ сказать что съ нею здѣлалось. Возвращаясь въ комнату, гдѣ оставилъ Графа съ служанкою Гильдегарды, намѣ-

ренъ былъ заставить ее рассказать подробно о всѣхъ извѣстныхъ ей по сему случаю обстоятельствахъ; но нашелъ ее въ такомъ положеніи, что не могъ надѣяться получить нужнаго объясненія. Она испочала пѣну отъ ярости: Гримоальдъ схватилъ ее за шею, а слуга держалъ за руки. Удивленный Албертъ спрашивалъ о причинѣ такого насилія. —, Нѣсколько спустя по удаленіи вашемъ, сказалъ ему Гримоальдъ, видя что Рихардъ крѣпко связанъ, думалъ что не нужно здѣсь мое присутствіе, и хотѣлъ вамъ вспомоществовать въ вашихъ поискахъ. Но лишь только вышелъ отсюда шаговъ за дваццать, какъ услышалъ шумъ, и голосъ служителя меня на помощь призывающаго. Я ворошился и увидѣлъ что онъ борется съ сею госпожею, стараясь вырвать изъ рукъ ея кинжалъ. Я помогъ обезоружить ее, и онъ сказалъ мнѣ, что вскорѣ по выходѣ моемъ изъ комнаты выняла она изъ подъ плащя кинжалъ, и держа его въ одной рукѣ, приближила къ Графу для освобожденія отъ цѣпей, коими скованы были его руки; вашъ слуга схватилъ ее за руку чтобы

выдернуть кинжалъ, что самое и произвело шумъ возвратившій меня въ сію комнату.,,

По семъ извѣстїи Албертъ, конечно не съ намѣренїемъ произвести въ дѣйство угрозы свои, взявъ кинжалъ приставилъ его къ груди служанки, говоря что непременно пронзитъ ее, ежели пошъ же часъ не откроетъ причины прищворнаго своего опчаянїя, и не уведомитъ что произошло съ Гильдегардою. Страхъ смерти далъ ей возчувствовать, что приняла на себя комиссію, которой не могла выполнить, и она призналась, что Гильдегарда дѣйствительно скрылась; что пришедши къ ней для услугъ уведомилась она о ея уходѣ, и узнавъ тогда же что задержали Рихарда, вознамѣрилась сокрытіе Гильдегарды употребить на освобожденїе Графа, который платилъ ей за то, что вводила его въ комнаты своей госпожи; что и въ прошедшую ночь введенъ онъ былъ ею въ комнаты Гильдегарды и оставался съ нею. „Я надѣялась, присовокупила она, криками своими побудить всѣхъ живущихъ въ зам-

къ къ погонѣ за Гильдегардою, такъ что Графъ останется безъ стражи, и я могу освободить его отъ оковъ. И какъ дѣйствительно остался съ нимъ одинъ только служитель, то я думала привести его въ робость своимъ кинжаломъ, и спасти, прошивъ воли его, Графа.,,

„Вѣроломный! вскричалъ Герцогъ, бросивъ на Графа свирѣпый взоръ, что ты здѣлалъ съ моею дочерью? Она вѣрно похищена своими соумышленниками.,,

Новая гримаса вмѣсто отвѣта, возвѣстила предапельское удовольствіе тусной души его.

Албертъ приказалъ заключить служанку въ безопасное мѣсто, и клялся что ежели она съ Графомъ будущъ упрямится объявить о мѣстѣ, въ которомъ скрывается дочь его, то подвергнется жесточайшимъ мученіямъ; но Графъ не преставалъ хранить молчаніе. Потомъ Герцогъ велѣлъ призвать служителей Рихарда, и они все предстали кромѣ одного. Гдѣ же Гондемаръ?

вскричалъ Албертъ; они отвѣчали что ушелъ не извѣстно куда. Албертъ увѣрился тогда, что Гондемаръ похитилъ его дочь по приказанію своего господина; но что она должна бытъ сокрытою въ замкѣ, ибо у ворогѣ находилась крѣпкая стѣна, чрезъ стѣны же перелѣзть было ни какъ не можно. Несчастный Албертъ терялся въ размышленіяхъ, не зная къ чему присту-пить; наконецъ рѣшился по совѣту Гримоальда немедленно приковать Рихарда въ одной изъ комнатъ отдѣленія обитаемаго духами, а сестру его въ другой, не разбирая ни какихъ для нихъ удобносшей, и наблюдая только что бы они были какъ возможно другъ отъ друга отдалены.

Здѣсь пронырства Графа остались безъ всякаго дѣйствія, и возвращенія его лишились всѣхъ наслажденій своихъ. Его оставили одного въ жертву бѣшен-сшву своему въ самой обвѣщанной комнатѣ, какую только пріискать могли. Цыновка изъ простника служила ему постелею, и вмѣсто роскошныхъ яствъ, коими онъ пресыщался, дали

малое количество грубаго кушанья. Положили предъ нимъ не много сучьевъ и родъ желѣзной жаровни вмѣсто комелька. Нѣсколько времени нерадѣлъ было онъ о употребленіи ихъ, но дождь и вѣтеръ проницающія сквозь щелины потолка и стѣнъ, принудили его согрѣваясь отъ жаровни, въ кошорой уголья почти уже погасали.

Изнуренный безсильнымъ свирѣпствомъ своимъ, не возмогшимъ ни прервать ни облегчить его оковъ, распросерся онъ на дыновкѣ; но тщетно искалъ успокоенія, и ночь показалась ему не обычно долгою. Одинъ тусклый блескъ жаровни освѣщаль его жилище. Дрова почти всѣ сгорѣли, и онъ съ тщательностію сбиралъ уже оспашки ихъ; при всемъ томъ чтобъ нѣсколько умѣрить жестокость холода, долженъ былъ почти задыхаться отъ дыма, по тому что комната его не имѣла кромѣ щелинъ въ стѣнахъ другаго для него выхода. Окны были наглухо заколочены и не впускали ни какого свѣта: однимъ словомъ, комната сія уподоблялась темницѣ, въ кошорой

не можно было ни чего ни видѣть, ни слышать.

Въ семъ ужасномъ положеніи Рихардъ старался заснуть и по временамъ забывался, но перзанія его совѣсти, вмѣсто раскаянія, часно прерывали его сонъ. Лишь только началъ было засыпать, какъ пробужденъ былъ шумомъ, побудившимъ его открыть глаза. — Онъ видитъ что жаровня отъ него отодвинута, и противъ оной сидящій на креслахъ Скелетъ казался какъ будто грѣлся у огня. — Сіе зрѣлище представилось ему тѣмъ ужаснѣйшимъ, что блескъ отъ жаровни освѣщалъ только ближайшіе предметы, всѣ же остальные части комнаты находились въ совершенной темнотѣ. Рихардъ не могъ преодолѣть въ себѣ движенія ужаса. Онъ вспалъ и хотѣлъ броситься къ призраку, но не извѣстно чѣмъ былъ удержанъ, и не могъ его достать. — Въ ту самую минуту Скелетъ отступалъ и придвигаетъ къ себѣ жаровню своими страшными костяными пальцами. Рихардъ въ другой разъ объятъ былъ ужасомъ и удивленіемъ. Онъ

упалъ на дыновку, закрывъ глаза руками, чшобъ избавишься опъ сего разительнаго зрѣлица. Освободившись нѣсколько опъ страха всего узналъ, что спремленіе его удержано было цѣпями, прикованными къ пробоямъ въ стѣнѣ ушверженнымъ. Нѣсколько времени не расшворялъ онъ глазъ, но услышавъ шорохъ цепла въ жаровнѣ, взглянулъ, и наказанъ былъ за любопытство свое гораздо ужаснѣйшимъ прошивъ прежняго явленіемъ.

Онъ видитъ предъ собою фигуру наспоющаго Графа Рихарда, кошораго, подъ предлогомъ его сокрытія, похитилъ онъ имущество, пишла и самое имя.

Въ одной рукѣ держалъ онъ кинжалъ, коимъ разколачивалъ уголья, какъ будто для разпространенія большаго свѣта въ комнатѣ, а въ другой сосудѣ. — „Знаешь ли эшотъ сосудѣ, вѣроломный Губертъ? сказалъ призракъ грознымъ тономъ., — Губертъ подобно порженному громомъ, упадетъ на дыновку, холодное шрепетаніе объяло всѣ

его члены; онъ зажмурилъ глаза и закрылъ опять лице руками своими.

„Возри на меня, кричалъ ему привракъ, или пригошовляйся къ смерти.“

Дрожащій Губертъ возвелъ на минушу глаза, и спѣшилъ отвратить ихъ.

„Вѣроломный и жестокій похититель, продолжало привидѣнїе, узнаешь ли сей кинжалъ и сосудъ, которые ты мнѣ представлялъ, объявляя что отъ того или отъ другаго должно мнѣ погибнуть? — Выбирай изъ нихъ самъ. Такъ, предашь, этотъ сосудъ есть тотъ самый, который принесъ ты ко мнѣ съ развращенною Гунильдою.“

Губертъ не въ силахъ былъ отвѣстствовать. „На сію ночь, продолжалъ призракъ оснавляю я себя для раскаянїя, ежели ты къ оному еще способенъ; но завтрашній день будетъ послѣднимъ днемъ твоей жизни.“ Потомъ умолкнувъ взялъ одною рукою скелетъ, а другую

опрокинулъ жаровню, и глубочайшая темнота распространилась по всей комнатѣ. Губертъ не слышалъ болѣе ничего, но удрученный бременемъ своихъ преступленій, не могъ умѣрить ни ужаса своего, ни терзанія совѣсти; обморокъ освободилъ его на нѣсколько времени отъ сихъ мученій.

При всемъ томъ Губертъ не лишенъ былъ свойства, извѣстнаго вообще подъ именемъ храбрости; ибо ежели томъ долженъ почитаться храбрымъ, кто убиваетъ множество непріятелей въ сраженіи, или на поединкѣ нападаетъ съ отважностію на жизнь другаго, то ни кто въ такомъ смыслѣ не былъ храбрѣе Губерта. Когда честолюбіе, гнѣвъ, энтузіасмъ или мщеніе электризуютъ наши свойства, и возбуждаютъ насъ къ отважнымъ дѣяніямъ, въ случаѣ ежели должно побѣдить непріятелей или учиниться идоломъ народнымъ, то тогда не храбрость, а вышеозначенныя страсти насъ оживотворяютъ. Такимъ образомъ когда страсти молчали, исчезала и храбрость Губерта:

одного призрака довольно было для поселенія въ немъ ужаса, и онъ съ сей стороны судилъ о явленіи Графа Рихарда.

Не нужно кажется глубокомысленныхъ разсужденій для удостовѣренія, что чистый духъ не можетъ дѣйствовать на вѣщество, что онъ не способенъ къ поднятію или къ прелесенію вѣщи, имѣющей какую либо тяжесть, и слѣдовательно не можетъ имѣть ни какого рода содѣйствія на насъ или на предметы насъ окружающіе. Но сіе простое и естественное разсужденіе не представилось тогда смущенному Рихарду. Явленіе человѣка, о которомъ твердо былъ увѣренъ что лишилъ его жизни, видѣ орудій своего злодѣянія и приговоръ близкой смерти, произнесенный фигурою, поразили духъ его удивленіемъ и ужасомъ, коимъ не могъ извяснить онъ настоящей причины.

Обморокъ его былъ весьма продолжителенъ. Получивши употребленіе чувствъ, нашелъ себя въ совершенной темнотѣ. Ужасъ овладѣлъ имъ, и онъ

не могъ заснуть, жопя имѣлъ величайшую въ томъ надобность. Когда дневной свѣтъ началъ нѣсколько проникать въ его пещищу, увидѣлъ онъ жаровню на томъ же мѣстѣ, гдѣ она была при явленіи призрака, но опрокинутою низомъ вверхъ; въ прочемъ все было въ прежнемъ порядкѣ въ его комнатѣ, и не примѣчалось ни малѣйшаго признака отверстія, въ которое кто либо могъ войти.

Сіе обозрѣніе усугубило его страхъ; онъ старался увѣрить себя, что все видѣнное имъ было одно сновидѣніе; но оподвинутая и опрокинутая жаровня совершенно опровергала это мнѣніе.

Въ десять часовъ утра Гримоальдъ вошелъ въ его комнату, и принесъ нѣсколько чернаго хлѣба. Одинъ изъ служителей Алберта внесъ воды и дровъ, поставилъ жаровню и развелъ огонь; они спрашивали Губерта отъ чего жаровня опрокинулась, но не получили никакого отвѣта. При всемъ томъ это обстоятельство вселило въ нихъ подо-

зрѣніе, и опасаясь что бы не збилъ онъ своей цѣпи, по тому что опдалился онъ постели, принесли новую цѣпь и заковали его гораздо крѣже прежняго.

Едва это окончили, какъ Албертъ вошелъ, и чрезмѣрно былъ удивленъ необычайнымъ смущеніемъ Губерта, котораго лице изображало ужасъ и смущеніе. Герцогъ приписывалъ сію скорую перемену раскаянію, яко необходимому слѣдствію пресупленій, и страху бышъ жестоко наказаннымъ. Желая воспользоваться таковымъ расположеніемъ началъ онъ его допрашивать. — „Гдѣ дочь моя, несчастный?“, говорилъ ему Албертъ. Губертъ отвѣчалъ одною язвительною улыбкою и хранилъ молчаніе. — „Рихардъ, долголи тебѣ еще упрямиться и мнѣ не свѣчать? Неужели желаешь, чтобъ я произвелъ въ дѣйство угрозы свои, и испоргъ жизнь твою въ мученіяхъ?“,

„Не опасайшесь, отвѣчалъ голосъ, онъ не пренесетъ ужасовъ смерти.“

Они узнали тотъ же самый голосъ, который въ прошедшій день возвѣщалъ имъ о помощи; но Губертъ побледилъ и запрепешалъ: это былъ голосъ Графа Рихарда, коего привидѣнїе столь жестоко перепугало его минувшей ночи.

„Какого злодѣянїя воспоминанїе производишь въ тебѣ таковыя смяшенїя? спросилъ Герцогъ, увидѣвъ холодный потъ текущій съ лица его.,,

Глубокое степенанїе было его отвѣтомъ. Зубы его колошились потъ содроганїя; бѣшенство и ужасъ изображались во всѣхъ чертахъ его лица.

„Конечно какое ни будь пагубное таинство есть причиною его страха, вскричалъ Герцогъ. О Гильдегарда! о дочь моя! Гдѣ ты? — Что съ тобою здѣлалось? — Чего не должно ожидать отъ измѣнниковъ, извлекшихъ тебя изъ дому родительскаго! Можетъ быть, увы! нѣтъ уже на свѣтѣ дочери моей!

„Она жива, отвѣчалъ Губертъ сквозь зубы.,, Отчаяніе Алберта причиняло ему несказанное удовольствіе, и побудило его на нѣсколько времени забыть страхъ свой.

При сихъ двухъ словахъ вдругъ радость заступила мѣсто отчаянія въ Албертѣ, такъ что не возмогши говорить, смотрѣлъ онъ на Графа съ видомъ извѣвающимъ снисхожденіе и чувствительность. — „Ахъ! скажи мнѣ, вскричалъ онъ, коль скоро получилъ употребленіе словъ, скажи что жизнь и честь моей дочери находится въ безопасности, и всѣ твои злодѣянія будутъ прощены. — Гдѣ она? Гдѣ могу найши ее?,,

„Она въ безопасномъ мѣстѣ, но ты не въ силахъ освободить ее, отвѣчалъ ему съ насмѣшливымъ видомъ злой Губертъ; она въ совершенной моей власти. Всѣ поселяне здѣшной округи раздѣляли ея благосклонности; я извлекъ ее изъ объятій ихъ и храню для одного себя. — И такъ на что тебѣ

препятствовать наслажденіямъ моимъ, которыя дочь твоя часно возбуждала своими ласканіями?»,

Не возможно описать свирѣпости и опчаянїя, овладѣвшими мгновенно Албертомъ. „Фурїя Адская, вскричалъ онъ, гнусное чудовище изрыгнутое Тарпа-ромъ для терзанїя сердца моего, ежели ты обезчестилъ мою дочь, то готовься къ пренесенію всѣхъ мученій, какія только можешь вымыслишь справедли-вѣйшее изъ всѣхъ мщеній.»,

Губертъ смотрѣлъ на спраданїя сего несчастнаго оица радостными глазами, и съ видомъ удовольствїя. „Мученїя твои, говорилъ онъ ему, соснавляютъ прїятнѣйшее для меня зрѣлище, и приводятъ въ забвенїе собственныя скорби мои: каждое изъ твоихъ степеній изливаетъ дѣлительный бальзамъ на мое сердце.»,

Тогда испупленїе Алберта вышло изъ границъ; онъ бросился изъ комнаты испущая пронзительныя вопли, и бѣ-

жалѣ для приготовленія пытки; но представьте всю чрезмѣрность удивленія его и радости, когда у самыхъ дверей пемницы встрѣчаетъ онѣ Гильдегарду спрѣмляющуюся въ объятія его.

Здѣсь, читатель, должно остано-
виться. Дадимъ время опцу и дочери
ко изъявленію взаимныхъ воспорговъ
своихъ. Послѣ ужасной сцены, которой
были свидѣтелями, нужно духу нѣко-
торое успокоеніе, чшобѣ лучше насла-
диться прѣшнѣйшимъ явленіемъ.

Забудемъ горести жестоки,
Къ которымъ рокъ насъ осудилъ.
Подобно молнии исчезающъ,
Какъ шѣнь проходящъ шаспья дни,
Нещаспья равно не вѣчны:
Всему на свѣтѣ — есть предѣлъ.

„Не мечта ли это? вскричалъ Гер-
цогъ, коль скоро первыя движенія радо-
сти его успокоились. — Ты ли это
дочь моя? — Тебя ли прижимаю къ серд-
цу своему?,, — Гильдегарда держала оп-

да въ своихъ объятіяхъ, лобызала руки его, орошая ихъ сладостными слезами, изображающими изліяніе сердечной нѣжности.

Между тѣмъ какъ Гильдегарда и отецъ ея наслаждались радостными восторгами, гнусный Губертъ изрыгалъ тьмы злословія; зрѣлище предъ нимъ предстоящее, составляло несноснѣйшее для него мученіе. Албертъ и его дочь, будучи заняты другъ другомъ, казалось, почти не примѣчали его присутствія. Всѣ окружающіе внимали съ участіемъ взаимнымъ ихъ вопросамъ и отвѣтамъ, и забвенный оповѣхъ Губертъ тщетно изъявлялъ бѣшенство свое; даже не слышали звука его цѣпей.

„Какое благодѣтельное Божество возвратило тебя родителю своему? спросилъ Албертъ у своей дочери.“

„Такъ, батюшка, такъ, самъ Богъ сжалился надъ вашею дочерью, и въ самую ужасную минушу, низпослалъ ей помощь неожиданную и сверхъ есте-

спвенную. — Видите сего варвара ; онъ спремился погубить меня, и не премѣнно бы въ томъ успѣлъ, ежели бы одинъ приракъ (ибо нельзя другимъ образомъ его назвать) не испортилъ меня изъ его рукъ.,»

„Въ продолженіи той ночи, когда посѣщали вы опустѣлое опдѣленіе замка, о чемъ я узнала послѣ, Графъ введенъ былъ въ мою комнату одною моею служанкою, которая конечно была отъ него подкуплена. Впустивши его вышла она и заперла дверь. Долгое время недоспойный мой дядя говорилъ мнѣ непонятнымъ для меня образомъ, по тому что и въ мысль мою не входило, чтобъ онъ могъ возвѣмѣть столь гнусныя виды. Не желаю вамъ наскучить подробнымъ описаніемъ его поступокъ, скажу только, что я отвѣчала ему прежде шулками, а потомъ принуждена была рассердиться. Будучи въ удивленіи и оскорбившись его неожиданнымъ приходомъ въ мою комнату въ такое необычайное время, приказывала ему выйти. Онъ пошелъ къ дверямъ, и я уже надѣялась отъ него избавиться, но это

для того только, чтобы запереть ихъ на замокъ, а ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ. По томъ возвратился ко мнѣ, и просилъ себя выслушать; но я не только что не была въ состояннн внимать ему, но даже отъ страха не могла кричать. -- Ахъ! бапюшка, сколько я спрадала, вообразивъ что будучи столь отдаленна щещиво буду призывать къ себѣ на помощь! Между тѣмъ какъ ужасъ держалъ въ оковахъ языкъ мой, Графъ продолжалъ свои дерзкіе разговоры. Наконецъ собрала я сколько силъ, чтобы просить его въ другой разъ оставить меня въ покоѣ; но вмѣстѣ того онъ подвинулся ко мнѣ еще ближе. Увы! откуда должна была ожидать помощи? Онъ началъ угрожать, а я стала кричать изовсѣхъ силъ, хотя и не чаяла быть ни отъ кого услышанною. Уже сіе чудовище меня схватило, и гибель моя казалась неизбѣжною, какъ вдругъ одинъ голосъ вскричалъ позади насъ: оставовись несчастный, взирай на меня и пренеши. „

„Графъ содрогнулся, выпустилъ меня, и оборотясь увидѣлъ предъ собою

человѣка въ полномъ вооруженіи съ обнаженнымъ мечемъ. Сія фигура приближилась, и дядя мой упалъ въ обморокъ, вскричавъ: эшо *Графъ Рихардъ!*,,

„Встань, чудовище, и выдь отсюда, сказалъ ему мой избавитель. Ты прислунаешь еще къ новымъ злодѣвїямъ, но знай, что я всюду за тобою послѣдую, и Гильдегарда находишься подъ моимъ покровительствомъ.,,

„Графъ пораженный сими словами вынялъ ключъ отъ моей комнаты и скрылся. Вооруженный призракъ поднялъ деревянную росписанную панель, копорая совершенно уподоблялась стѣнѣ, и вывелъ меня съ собою, увѣщевая ни чего не опасаться; но я отъ спираха едва могла держаться на ногахъ, и не въ силахъ была итти.,,

„Гильдегарда, сказалъ мнѣ мой проводникъ, вы здѣсь не въ безопасности; положились на меня, я удалю васъ и сокрою отъ всякихъ покушеній. Онъ взялъ меня за руку, и я послѣдовала

за нимъ. Мы шли чрезъ множество темныхъ проходовъ, сходили по многимъ лѣстницамъ, такъ что силы мои совершенно истощились, пока достигли комнаты, уподобляющейся монастырской кельѣ. Тупиъ онъ меня оставилъ; одна старая женщина привесла мнѣ пищи, и ночевала со мною; но на всѣ мои вопросы отвѣчала только: „будьте спокойны любезная Гильдегарда, Небеса вамъ покровительствуютъ, и не умедляишь все обнаружись.“

„Но я и забыла что она отвѣчала на одинъ мой вопросъ. Я спросила ее, не случилось ли чего съ вами, и гдѣ вы находитесь? Она отвѣчала что вы занимаетесь осматриваніемъ опустѣващаго отдѣленія замка, и скоро окажете правосудіе виновнымъ „

„Сей отвѣтъ успокоивши меня нѣсколько усугубилъ мое любопытство. Увѣдомше меня, ради Бога, сказала я ей, человекъ, или привидѣніе приспѣло ко мнѣ на помощь въ то время, когда ни откуда ее не ожидала? Она сѣла и

начала смѣяться. Сего утра вооруженный призракъ пришелъ опять, повелѣ меня пѣми же проходами, говоря что намѣренъ отдать въ ваши руки, но напередъ имѣлъ предосторожность завязать мнѣ платкомъ глаза, что я безъ прекословія ему позволила, будучи ободрена его поступками, и вскорѣ очутилась въ сосѣдственномъ отсюда отдѣленіи. Онъ просилъ подождать себя нѣсколько времени и не открывать глазъ, на что я согласилась. Чрезъ четверть часа онъ вошелъ и самъ развязалъ мой платокъ. Вы видите отсюда, сказалъ онъ мнѣ, эту отворенную дверь, подите въ нее и продолжайте идти чрезъ всѣ растворенныя комнаты, доколѣ не услышите голоса вашего родителя, и не опасайтесь, хотя въ то же время признаете голосъ Рихарда, по тому что его уже спрашится нѣчего. Вотъ, батюшка, какъ я съ вами была разлучена, и опять достигла благополучно вашихъ объятій,,

Освобожденный отъ всѣхъ безпокойствъ въ разсужденіи своей дочери, Албертъ, не могъ умѣрить восторговъ

радосни своей. Жестокость не свойственная его характеру истребилась изъ сердца, и онъ чувствовалъ къ Графу одно только презрѣнiе. „Этотъ негодяй, говорилъ онъ Гильдегардѣ, забавлялся мученiемъ моимъ, увѣряя что имѣешь меня въ своей власни „

„Забудемъ о томъ, онъ самъ теперь находишься въ нашихъ рукахъ, сказалъ Гримсальдъ, взиравшiй на сiю сцену въ молчанiи. „ — „Не правда, онъ въ моихъ рукахъ, возразилъ настоящiй Графъ покрытый кирасами, который вошелъ тогда въ комнату и приближался къ Губершу. „

„О Небо! это мой Ангелъ хранитель, вскричала Гильдегарда, схвативъ и лобызая его руку покрытую перчаткою „

Сiе явленiе возымѣло совсемъ противное дѣйствiе надъ Губертомъ; онъ повергся въ стеланiи на свою дыновку, и закрылъ руками лице, закушывая голову епанчею.

„Я такъ же пришелъ навѣстить его, сказалъ сынъ Гродерна, приближившись къ плѣннику, Юный Эдгаръ не былъ уже въ плащѣ поселянина, но въ одеждѣ приличной достоинства его рода. Высокій и снотный его ростъ, благородный видъ и прѣятныя черты лица обратили на него взоры всѣхъ окружающихъ. Но въ сей новой одеждѣ ни кто не могъ его узнать, и вопрошали о томъ одинъ у другаго.“

„Я пришелъ, сказалъ онъ, искать правосудія, и отмстить за оскорбленія нанесенныя оццу моему.“

Онъ хотѣлъ было продолжать, какъ пронзительный и дикій женскій голосъ обратилъ вниманіе слушателей. Она вбѣгавъ спремительно въ комнату, и всѣ видяшъ Брюншильду въ изступленіи свирѣпства.

„Такъ, такъ, вскричала она, повергнувшись на цыновку Графа, изнуренная конвульсіями своего бѣшенства: я освобожу его изъ рукъ гнусныхъ гонимелей.“

Стража за нею послѣдовала и хотѣла се вывести; но она вскочивъ и выхвативши изъ подъ робы своей княжалъ, спремилась поразить Герцога, который по щастію предусмотрѣвъ то, отвернулся споль поспѣшно, что ударъ скользнулъ только по его одеждѣ. Когда ее схватили и сковали крѣпчайшимъ образомъ, всѣ дѣйствующія лица прошедшей сцены послѣдовали за нею въ комнату, куда ее повлекли, исключая плѣнника, сына Гродерна и привидѣнія въ кирасахъ.

Заклучивъ Брюншильду, Герцогъ возвратился въ комнату плѣнника. Онъ нашелъ его одного распростертаго безъ чувствъ на постелѣ. Герцогъ вышелъ заперевши дверь на замокъ, и соединился съ своею дочерью, остававшеюся подъ смотрѣніемъ Гримоальда.

Остатокъ дня протекъ въ различныхъ разговорахъ; наконецъ рѣшились чшобъ Брюншильда провела ночь въ своей комнатѣ, и Албертъ велѣлъ послѣшить пригошвленіемъ того ошдѣ.

ленія, въ коемъ виновная его супруга должна была окончить время своего наказания. Вечеромъ одинъ изъ стражей Брюншильды пришелъ уведомить Герцога, что она совершенно лишилась разума.

„Это я думаю не новое, говорилъ Гримоальдъ, но пойдёмъ посмотримъ ее, ибо сіе мнимое сумасшествіе, можетъ быть не иное что какъ умыселъ, къ успѣшнѣйшему производѣнію новыхъ проказъ „

Албертъ всталъ и прочіе за нимъ послѣдовали. Они нашли Герцогиню въ сильной горячкѣ, и въ жару производящемъ брѣдъ, такъ что ни какъ не можно было подозрѣвать ее въ прищворствѣ.

Албертъ будучи отъ природы сострадательнымъ, сжалился надъ нею: велѣлъ освободить ее отъ оковъ и оказывать нужныя пособія для ея излѣченія; но его сожалѣніе ускорило только смертію Брюншильды. Въ изступленіи

сумасшествія вырвалась она изъ рукъ спиражи своей, и какъ двери были расшворены для пречищенія воздуха, то выбѣжала изъ комнаты, и бросилась съ верху лѣстницы, въ низу кошорой нашли ее уже мертвою. Она раздробила себѣ черепъ, такъ что весь мозгъ изъ него выскоцилъ.

Чувствительная Гильдегарда проли-вала слезы о своей матери; но не потерю ее оплакивала она, а поступки ея жизни и столь ужасный родъ смерти. Сіе плачевное происшествіе произвело въ Албертѣ глубокое впечатлѣніе: онъ ощутилъ нужду въ уединеніи, и заперся въ комнаты своей на нѣсколько часовъ.

Въ слѣдующую ночь свирѣпый Губертъ подверженъ былъ новымъ опытамъ: около полуночи слышнѣ онъ что дверь его комнаты отворяется, и виднѣ входящихъ шесть фигуръ одна за другою въ длинныхъ черныхъ одеждахъ. Каждая изъ нихъ держала въ одной рукѣ бичъ, а въ другой факелъ.

За ними слѣдовалъ сынъ Гродерна и настоящій Графъ Рихардъ, ведя съ собою изувѣченную, растерзанную и окровавленную фигуру, къ которой уstraшеннѣйшій Графъ познаетъ черты развращенной Брюншильды. Между тѣмъ какъ содрогаясь отъ ужаса взиралъ онъ на сѣе страшное зрѣлище: „о Губертъ, говорила ему фигура, не для того провидѣнїе дозволяетъ намъ возвращаться въ сей свѣтъ, чтобъ извѣщать живущихъ о нашихъ спраданїяхъ, или о происходящемъ въ спрашнѣхъ мѣстахъ вѣчнаго мученїя; не для того мы посылаемся чтобъ обнаруживать преслупленїя другихъ: но что бы увѣщевать злыхъ, и побуждать грѣшниковъ къ раскаянїю. Жестока наша участь, и насъ ожидаютъ безконечныя спраданїя; спраданїя, о которыхъ хотя мы и прежде были предувѣдомляемы, но не хотѣли имѣть вѣришь. Наконецъ познала я, но уже поздно, правосудїе Бога и его Всемогущеснво. Но ты, Губертъ, ты братъ мой и соучастникъ во всѣхъ преслупленїяхъ, ты отказываешься оказать справедливость невинному и объявить виновнаго. Не ужели сердце швое не

приступно къ раскаянію? — Ты долженъ непременно принести покаяніе и обвинить самого себя. Герцогъ скоро предстанетъ; готовься и повѣдайся предъ нимъ во всѣхъ злодѣянїяхъ своихъ.,,

Минушу спустя Герцогъ и Гримальдъ входятъ; въ величайшемъ удивленїи видятъ они и слышатъ говорящую фигуру Брюншильды.

„Графъ Рихардъ, продолжала она, пишите признаніе въ его преступленїяхъ.,, Губертъ сраженный ужасомъ оставался безмолвнымъ и недвижимымъ; онъ даже не имѣлъ силы отъвернуть глазъ отъ сего страшнаго позорища, и хранилъ молчаніе. Тогда одна изъ черныхъ фигуръ приближается, и велѣвъ настоящему Рихарду съ его сыномъ обнажить плеча Губерта, начала съчь нещадно спину его своимъ страшнымъ бичемъ. Губертъ не испустилъ ни единого вопля ни стenanія, и пребывалъ непоколебимъ въ молчанїи. Другая фигура въ свою очередь поступила съ нимъ ша-

кимъ же образомъ, но все было тщетно: бичеваніе не болѣе угрозъ имѣло дѣйствія. Всѣ шесть фигуръ по порядку раздирали плеча Губерта, кровь текла ручьями, но онъ непереставалъ быть безмолвнымъ. — „Начнемъ его пытать, вскричалъ Графъ въ кирасахъ, и вдругъ четыре человека предсшали. Губертъ содрогнулся, а Герцогъ не могъ промолвить ни слова отъ удивленія.

„Теперь, Губертъ, станешь ли говорить, вопрошала его фигура въ кирасахъ?, — „Нѣтъ, никогда, отвѣчалъ онъ охриплымъ голосомъ.,,

„Привяжите его, сказала фигура, и тогда же началась пытка.,, Бодрость его исчезла, и побѣжденный скорбію говорилъ онъ Герцогу, что учинитъ призваніе во всемъ, коль скоро престанутъ его мучить. Его велѣли развязать; но приведенный въ чрезмѣрную слабость, не могъ онъ исполнить своего обѣщанія, и просилъ до слѣдующаго дня отсрочки, на которую съ примѣщ-

нымъ неудовольствіемъ согласился
 мучили его. Настоящій Рихардъ, или
 фигура въ кирасахъ, просилъ Герцога
 удалиться изъ комнаты доколѣ Гу-
 бертъ не придетъ въ состояніе здѣ-
 лать признанія своего. Албертъ согла-
 сился и звалъ Гримоальда за собою; но
 онъ имѣлъ намѣреніе остаться; для
 того, говорилъ онъ, чѣмобъ посмотрѣть,
 что произойдетъ во время его отсут-
 ствія. Графъ Рихардъ услышавъ то
 сказалъ ему, положивъ руку на его
 плечо: „повѣрь мнѣ, господинъ Рыцарь,
 что здѣсь любопытство твое не у мѣ-
 сна; развѣ ты намѣренъ подвергнуться
 такому же бичеванію, какое сей часъ
 видѣлъ?“, Мстищель поблѣдѣлъ, и
 страхъ его столь былъ примѣненъ,
 что Албертъ не могъ удержаться отъ
 смѣха. При всемъ томъ Рыцарь спа-
 раясь скрыть робость свою, угрожалъ
 что претворитъ въ пракъ все приви-
 дѣнія; но Герцогъ сжалившись звалъ его
 въ другой разъ съ собою. Они возвра-
 щались вмѣстѣ къ Раймонду, который
 спрадалъ еще не мало отъ раны своей,
 и занимался разговорами съ прекрасною
 Гильдегардою. Наконецъ до столь без-

покойномъ днѣ всѣ почувствовали нужду въ отдохновеніи, и разошлись очень рано по своимъ комнатамъ.

На другой день собрались къ слушанію исповѣди Губерта; но нашли его къ тому не расположеннымъ, такъ что для преодоленія его упрямства должно было снова готовиться къ пышкѣ. Но одинъ видъ ужасныхъ орудій возымѣлъ желаемое дѣйствіе: Губертъ прервалъ молчаніе, и обратясь къ Герцогу, говорилъ ему слѣдующее:

„Внимай мнѣ, и да наполнится сердце швое горестію. Чшобъ болѣе разперзашь оное, начну я повѣсть свою со временъ Брюншильдиной мащери. „

„Князь Людвигъ провождалъ спокойные и щасливые дни съ первою своею супругою. Благоденствіе его было совершенно: онъ былъ любимъ и почитаемъ подвласными ему народами, находился въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями, и добродѣшельная его супруга обла-

дала всѣми любезными качествами. Малое время спустя послѣ ихъ брака, Княгиня разрѣшилась отъ бремени дочерью, которая съ лѣтами учинилась споль же милою, какъ и ея мать, хотѣя и уступала ей въ красотѣ. Никогда не было примѣра трехъ особъ, жившихъ между собою въ лучшемъ согласіи, и болѣе уважаемыхъ отъ всѣхъ ихъ окружающихъ. Сравни это, дерзкій Албертъ, съ своею участію, и да причинишь въ тебѣ сія повѣсть сполько горести и смущенія, сколько я отъ всего сердца желаю. Въ такомъ положеніи находился Людвигъ, какъ въ первый разъ увидѣлъ онъ Гунильду. Ея прелести имѣли для него приманчивость новоспи, и заимѣвали красоту его супруги. Будучи чрезмѣрно опечаленною его холодноспію, не щадила она ни какихъ способовъ къ возбужденію въ мужѣ своемъ погасшихъ чувствъ, составлявшихъ прежде взаимное ихъ благоденствіе; но всѣ ея старанія, угожденія и ласки не токмо что не пронули его, но произвели противное дѣйствіе, такъ что его супруга, лишенная всей надеж-

ды впала въ глубокую меланхолію , которая въ скоромъ времени распроила ея здоровье.,,

„Она не могла уже находить удовольствій въ общесхвахъ , по тому что въ нихъ мужъ ея занимался единственно Гунильдою, предупреждая во всѣхъ случаяхъ ея же , и не соврашая съ нее взоровъ своихъ. Нечувствительно опказалась она опъ свѣта, и заключившись въ свои комнаты обитала одна съ своею горестію. Гунильда употребила опсупствіе ея въ пользу для возбужденія въ любовникъ своемъ подозрѣній. Она внушала ему что сіе мнимое опвращеніе опъ свѣта, было обманчивою маскою для прикрытія какой ни есть порочной приверженности. Людвигъ не удовольствуясь тѣмъ что оказывалъ къ своей супругѣ холодность, равнодушіе и опвращеніе, учинился еще подозрѣвающимъ , грубымъ, взыскашельнымъ и даже жестокимъ. Здравовье его супруги давно уже находилось въ худомъ положеніи, и сіе новое прискорбіе ускорило ея смертію. Она лишилась жизни своей произведя на свѣтъ сына.,,

„Людвигъ не уважая правилами предписываемыми въ шаковыхъ случаяхъ обыкновеніемъ и самую благоприспоспѣшную, нѣсколько недѣль спустя по смерти своей супруги, сочелся съ Гунильдою, которая была уже тогда матерью Брюншильды и мсее. Она объявила что принимаетъ на себя воспитаніе сына, оставшагося послѣ покойной Княгини, по чему взяла его въ свои комнаты, не допускала къ нему ни кого кромѣ избранныхъ ею людей, и отслала всѣхъ шѣхъ, которые служили ему во время жизни его матери. Нѣсколько времени спустя разнесли слухъ, что юный Принцъ скончался. Гунильда приказала двумъ изъ преданныхъ ей людей умертвить его, и принять всѣ нужныя предосторожности, чтобъ обмануть Людвига, ежелибъ захопѣлъ увидѣть шѣло сына своего.„

„Людвигъ былъ чувствительно пронутъ сею неожиданною потерей, ибо онъ любилъ съ горячностію своего сына. Гунильда старалась его увѣрить, что будто онъ былъ прижитъ не съ нимъ,

но онъ отвергъ съ презрѣнїемъ такую клевету. Не нужно было долго жить съ моею матерью, чтобъ почувствовать во всей силѣ потерю супруги, которой онъ лишился. Пороки Гунильды дѣлали разительную противоположность съ ея добродѣтелями, и напоминали ему часто о слѣпой его несправедливости. Онъ захотѣлъ видѣть своего сына, и для избѣжанія подозрѣнїй должно было его удовлетворить. Людвигъ примѣшилъ около шеи сего младенца широкую черную полосу, которой требовалъ изъясненїя. Гунильда увидѣла всю неосторожность исполнителей ея приказанїя, но стараясь скрыть гнѣвъ свой и смятенїе, отвѣчала Людвигу, что сынъ его скончался отъ сильныхъ конвульсій.,,

„Людвигъ не удовольствовавшись симъ отвѣтомъ, приказалъ врачамъ осмошрѣть шло сына своего, но Гунильда нашла случай преклонить ихъ на свою сторону, и врачи объявили что сей знакъ былъ обыкновеннымъ слѣдствїемъ конвульсій. Людвигъ оста-

валя въ сумнѣнїи, но не имѣя ясныхъ доказательствъ, принужденъ былъ похоронить своего сына и хранить молчанїе.,,

„Нѣсколько спустя послѣ сего приключенїя, мать моя разсорилась съ служившими, которыми приказала убить юнаго Принца. Эта ссора споль ее беспокоила, что рѣшилась она наконецъ тайнымъ образомъ скрыть сихъ двухъ человѣкъ, которые и пропали вдругъ безъ вѣсти; не дѣлали объ нихъ ни какихъ поисковъ, для того что никто не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшей приверженности, и вскорѣ совершенно ихъ забыли. Я думалъ тогда, и теперь такъ же полагаю, что они отравлены Гунильдою.,,

„Но этого было не довольно для моей мачехи; оставалась еще при дворѣ одна ненавистная ей особа: это была дочь Людвига, сестра юнаго Принца, удушеннаго по ея приказанїю.,,

„Весьма прудно было посредствомъ убійства збыть ея съ рукъ, не оставивъ слѣдовъ онаго, шѣмъ болѣе что Принцесса, не такъ какъ ея братья, находилась не въ совершенной власни моей мащери. И такъ не имѣя въ виду лучшихъ средствъ, рѣшилась она отдалить ея отъ двора, учинивъ жизнь ея сколь возможно жестокою. „

„Принцесса Эмма сочелась втайнѣ бракомъ съ однимъ молодымъ дворяниномъ, имѣвшимъ съ давняго времени пребываніе при дворѣ ея родителей. Нежность Эшебенна утѣшала ея отъ безпрестанныхъ гоненій Гунильды. Но мать моя не замедлила увѣдомиться о семъ бракѣ, и упопробила его къ совершенному удовлетворенію ненависти и видовъ своихъ. Эмма лишилась свободы, а мужъ ея жизни; по смерти его возненавидѣла она свѣтъ, и наипаче общество развращеннаго двора. Отецъ ея возвратилъ ей свободу, но Эмма воспользовалась ею единственно для своего посприженія; и опасаясь чтобъ ненависть мащери не преслѣдовала ея даже

въ уединенїи, избрала самый отдаленнѣйшій монастырь, такъ что не было объ ней ни какого слуху. Сокрытіе Принцессы Эммы произвело не малый ропотъ; подозрѣвали въ томъ мать мою; но я будучи извѣстенъ о всѣхъ ея дѣянїяхъ, могу увѣрить, что въ семъ случаѣ несправедливо обвиняли ее. Эмма дѣйствительно удалилась въ монастырь, и конечно теперь находящіяся еще въ живыхъ, но совершенно не извѣстно какую страну избрала она для своего уединенїя.,,

„Гунильда съ лишкомъ предана была порокамъ, чтобъ ограничить спрасъ свою позволенными наслажденїями; да и не натурально чтобъ женщина, имѣвшая любовную интригу съ чужимъ мужемъ, пребывала вѣрною своему. Она попеременно дѣлала учасниками мужа своего всѣхъ молодыхъ придворныхъ, которые ей нравились; кто же презиралъ ея благосклонности, тотъ рѣдко избѣгалъ мщенїя ея.,,

„Графъ Рихардъ прибылъ ко двору; я не стану распространяться о его

убійствѣ, скажу только, что я былъ творцомъ онаго, и сія сцена, копорой воспоминаніе составляетъ мученія мои, происходила въ этомъ самомъ отдѣленіи, въ которомъ теперь находимся, во время опсуствія Людвига. По возвращеніи его Гунильда обвиняла Графа всякаго рода преступленіями и заговорами, какія только могла вымыслишь, присокупивъ къ тому, что увѣдомившись объ открытіи оныхъ, и спрашась мщенія Людвига, предался онъ бѣгству до его прибытія. По томъ посредствомъ хитрыхъ ласканій испросила для меня у мужа своего всѣ шипла и преимущества Графа; назвала меня его именемъ, и запретила подъ смертною казнію всѣмъ подвластнымъ своимъ именовать меня иначе, какъ Графомъ Рихардомъ.,,

„На другой день послѣ убійства Графа, мать моя велѣла запереть и совершенно заколошить комнаты имъ занимаемыя, но во всемъ отдѣленіи ужасъ злодѣянія насъ преслѣдовалъ: слышны были стenanія, то являлись призраки, такъ что наконецъ перзаемы

собственнымъ воображеніемъ своимъ, лишились совершенно спокойствія. „

„Однимъ вечеромъ находясь за столомъ были объяты споль сильнымъ ужасомъ, что выбѣжали спремительно изъ залы, и какъ ни кто не смѣлъ войти въ нее, то всѣ эти комнаты были тогда же заперты и на глухо заколочены. Сіе отдѣленіе имѣя положеніе къ сѣвѣру, было мрачно, холодно и сыро; Людвигу не правилась эта часть замка, и повозвращеніи его (ибо все это происходило въ его отсутствіе) не было ему прошивно что его заперли, по чему почти и не спрашивалъ онъ о дальнѣйшихъ тому причинахъ. „

„Когда ты вступилъ въ бракъ съ Брюншильдою, я получилъ отъ тебя дозволеніе, имѣть пребываніе при швомъ дворѣ, но сія снисходительность не приобрела моей приверженности. Я питалъ зависть къ швоему полномочію и имуществу; прилагалъ всѣ усилія къ возбужденію противъ тебя ненависти и

мщенія, производя на твой щетъ разныя насильства. Всѣ поселянскія дочери и жены нѣсколько пригожія перебивали попеременно въ рукахъ моихъ; я приказывалъ вводить ихъ въ замокъ, и удовлетворялъ надъ ними сладострасіе свое, разпространяя по всюду, что ты былъ ихъ похишителемъ. Дюнифледа воспламенила желанія мои, и я пригошовлялся такъ же ее похитить.,,

„Брюншильда не была цѣломудреннѣе своей матери. Не токмо что иностранцы, но даже окружные поселяне были участниками ложа твоего. Сынъ Гродерна, копорой, правду сказать, ни видомъ, ни поступками не походитъ на поселянина, произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе надъ ея чувствіями. Красота этого молодого человѣка, можетъ почти извинить такую прихоть, но онъ былъ столь дерзокъ, что отвергнувъ ея благосклонности, предпочтивъ ей Гильдегарду, которая взаимно ему соотвѣтствовала. Сія непорочная дѣвица, утѣшеніе и надежда твоя спаросши, часто заключала въ скромныя об-

лшїя свои подлаго поселянина. Сколько разъ видалъ я ее удаляющеюся въ средину лѣса, гдѣ провождала цѣлые дни съ своимъ любезнымъ Эдгаромъ, наслаждаясь тайными и прїяшными ушѣхами любви! — Мерзкій лжецъ, вскричалъ Герцогъ, какъ ты дерзнулъ порочить мою дочь? — Дай мнѣ окончить, сказалъ ему Графъ; ты еще не знаешь всей своей фамилїи. Въ жижинѣ Жакмара найдешь двухъ внучатъ своихъ. Сынъ Гродерна не оставляетъ своихъ дѣшей, и въ сосѣдствѣ отъ себя воспитываетъ ихъ; Гильдегарда часто посѣщаетъ и ласкаетъ опродіе свое; но должна принимать въ томъ предосторожность, и ты, какъ добрый отецъ, обязанъ дать въ томъ волю машерней ея нѣжности, принявъ въ свой замокъ ея дѣшей. Какое будетъ для тебя удовольствїе заключать въ обѣщїя свои милыхъ дѣшей добродѣтельной Гильдегарды, дѣлающей ушѣху швоему сердцу, честь роду, и сколько ты долженъ быть обязанъ мнѣ за такое интересное отккрытїе!,,

„Гнусный клеветникъ! „, вскричалъ Герцогъ, и голосъ его пресекся. Онъ готовъ былъ унасть, когда бы не былъ поддержанъ однимъ служителемъ.

„Но не одного Эдгара, продолжалъ Губертъ удостоивала дочь своя своихъ благосклонностей, многіе Рыцари раздѣляли ихъ. Что же касается до меня, то вмѣсто любви питалъ я къ ней одну ненависть, и довольно одного названія своею дочери, чшобъ вселить въ меня къ ней отвращеніе. Но я желалъ учинить ее матерью единственно для того, чшобъ принести себѣ новое удовольствіе, когда маленькіе мои выродки будутъ звать тебя дѣдушкой. „ Гнусный Губертъ могъ вѣчно продолжать безстыдные свои рассказы, ибо Герцогъ не въ состояніи былъ его слушать. — Но на что же, скажутъ нѣкоторые, имѣлъ онъ столь мало разсудка, что вѣрилъ словамъ злодѣя, о качествахъ котораго довольно уже былъ извѣстенъ. — Онъ конечно не совсемъ правъ; но не должно ли извинить его родительскую чувствительность? -- Въ

печеніи двухъ дней Албертъ насмотрѣлся и наслышался сполько отвращительныхъ дѣяній, душа его споль была возмущена и воображеніе разстроено, что совершенно заглушенъ былъ въ немъ гласъ разсудка — Между тѣмъ какъ всѣ окружающіе старались его успокоить, Гильдегарда является съ сыномъ Гродерна въ ту минушу, когда разсудокъ Алберта начиналъ одерживать верхъ, и онъ сталъ было сумнѣваться о истиннѣ слышаннаго имъ; но прибытіе его дочери въ послѣдствіи молодого поселанина, показалось ему явнымъ доказательствомъ своего безчестія. — Гнѣвъ Алберта достигъ такой степени, что онъ пребылъ нѣсколько минушъ подобно окаменѣнному отъ сего явленія, и оставаясь неподвижнымъ въ томъ же положеніи, какъ увидѣлъ ихъ, хотѣлъ говорить, но не могъ произнести ни одного слова. Наконецъ собравъ всѣ силы свои вскричалъ: — „вѣроломная, развѣ пришла сюда искать смерти шобою заслуженной? А ты, негодный, говорилъ Эдгару, какъ дерзнулъ явиться предомною? — Изчезни, продолжалъ

онѣ, выхвативъ мечъ, или эта рука омочитъ въ крови швей свое оскорбленіе. — Смущенный Эдгаръ выходитъ съ поспѣшностію, и Гильдегарда послѣдуетъ за нимъ; но Албертъ увидя что они бѣгутъ вмѣстѣ, гонится за ними, и конечно бы ихъ достигнулъ, ежели бы встрѣча Графа Рихарда не оградила ему на нѣсколько времени пуши. — Преслѣдуй ихъ, кричалъ ему Герцогъ съ помутившимися глазами и свирѣпымъ тономъ. Графъ Рихардъ даетъ ему дорогу и слѣдуетъ за нимъ, не понимая за кѣмъ онѣ гнался. Гильдегарда вбѣгаетъ въ свою комнату, а сынъ Гродерна за нею, не зная куда она его вела, при томъ же и не желая ее оставить въ такой опасности. Герцогъ слѣдуетъ близко за ними, и находитъ дочь свою распростертую на полу безчувствѣ, а Эдгара предъ нею на колѣняхъ преклоняющаго голову къ груди ея. — Сіе зрѣлище наполнило новымъ свирѣпствомъ Алберта; онѣ бросился на Эдгара и хотѣлъ пронзить его мечемъ своимъ, но будучи ослѣпленъ сильнымъ разгоряченіемъ не успѣлъ въ томъ;

ибо при семъ стремленіи поскользнулся, мечъ вывалился изъ рукъ его, и онъ упалъ ударившись головою о мраморной каминь и лишился чувствъ. — Рихардъ и Эдгаръ не возмогши освободиться отъ удивленія своего взирали другъ на друга, не зная что начать; но Рихардъ первый вышедши изъ сего испугленія, призвалъ служителей, и велѣлъ опнести Герцога въ его комнату, гдѣ оставивъ его возвратился къ Гильдегардѣ. — Она получила было употребленіе чувствъ, но воспоминаніе прошедшей сцены ввергнуло ее въ новый обморокъ. Чрезъ многіе дни не въ состояніи она была выходить изъ своей комнаты, но при всемъ томъ извѣстилась отъ слышавшихъ повѣсть Губерта о причинѣ гнѣва ея отца. Герцогъ выздоравливалъ очень медленно; сильное смятеніе его духа, причиненное послѣднимъ произшествіемъ, а наипаче повѣстію вѣроломнаго Губерта, не мало умножали болѣзнь причиненную паденіемъ. — Наконецъ увѣщанія двухъ Рыцарей и Графа Рихарда дали ему почувствовать всю жестокость его поспулка, и легковѣрность,

съ какою внималъ нелѣпымъ доносамъ измѣнника, который по собственному своему признанію находилъ удовольствіе терзать его сердце. — „Но скажите мнѣ, вскричалъ Герцогъ, по какому случаю дочь моя встрѣшилась съ симъ молодымъ человѣкомъ?“, — „Ежели вы въ состояніи перенести новое удивленіе, отвѣчалъ ему Рихардъ, то я докажу вамъ, что дочь ваша не причастна въ проступкахъ, коими ее обвиняють, и Эдгаръ во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ ея руки.

Хотя сіи послѣднія слова весьма были непріятны слуху Алберта, но онъ просилъ Рихарда изъяснить ихъ.

„Я васъ оставляю на нѣсколько минутъ, сказалъ ему Рихардъ. Прикажете ввести сюда Губерна, и отецъ Эдгара уведомитъ васъ о всемъ, что вы желаете знать., — Рихардъ вышелъ, а Албертъ послалъ за своею дочерью. Гильдегарда шоль была слаба, что вошедши въ комнату своего отца упала

въ обморокъ; но слабость сія скоро миновалась. Албертъ обнялъ ее съ нѣжно-спію, и взаимная ихъ довѣренность совершенно возстановилась.

Около семи часовъ спучались у дверей Герцога; онъ приказалъ отворить и увидѣлъ привидѣніе или фигуру Брюншильды поддерживаемую Гродерномъ и его сыномъ. Нѣсколько спустя Гримальдъ и Раймондъ въ послѣдствіи двухъ стариковъ вводящъ плѣнника. Герцогъ велѣлъ имъ сѣсть, и Гродернъ началъ повѣсть свою:

„Васъ обманули, Албертъ, говорилъ онъ Герцогу, и извѣстіе сего чудовища совершенно ложно. Можетъ быть ожидаете вы, что Рихардъ придетъ сюда исполнить свое обѣщаніе; но знайте что не существуетъ другаго Рихарда кромѣ того, котораго видите предъ собою. Гродернъ, выходившій только для того чтобъ сверхъ кирасъ надѣть поселянскую одежду, сбрасываетъ ее тогда съ себя, и всѣ познаютъ въ немъ

Графа Рихарда. По томъ обратясь къ Губершу: ты конечно удивляешься, скажешь онъ ему, что видишь меня еще въ живыхъ; но долженъ знать что я не проглотилъ яда побою мнѣ поднесеннаго. Мать твоя содѣлала дворъ свой театромъ распутства, и Брюншильда воспитанная въ таковой школѣ должна была необходимо уподобляться своей матери. Я, подобно многимъ другимъ, былъ предметомъ похотливыхъ желаній Гунильды; но должность и привязанность моя къ своему Князю конечно бы удержала меня отъ соопвѣстствія на ея любовь, ежели бы не довольно было къ тому одного мсего къ ней отвращенія. Я сочетался явно бракомъ съ одною добродѣтельною и прекрасною иностранкою. Это было не противно моему Князю; но любовь Гунильды превратилась въ ненависть, и содѣлала ее неукротимую. Она старалась внушить Людвигу, что мой бракъ весьма подозрителенъ, что моя супруга и ея свита были не иное что, какъ хитрые шпионы, и что мы производимъ опасныя переписки. — Что намъ нужды до ихъ

переписокъ, отвѣчалъ Людвигъ, не будемъ дѣлать ни чего такого, что бы должно было скрывать, и шпионамъ не останешся ни чего вывѣдывать. -- Не возмогши роздражить прошивъ меня Людвига, клялась она въ моей гибели; я отправилъ свою жену, въ намѣреніи самъ за нею послѣдовать, и оставишь вскорѣ дворъ; но швоя мать предупредила. — По среди ночи разбуженъ я былъ сильнымъ спухомъ у своихъ дверей; слуга мой вопрошалъ о причинѣ, и получилъ въ отвѣтъ, что принесли ко мнѣ важныя и неперпящія ни малѣйшаго оплагательства письма. — Я приказываю отворишь, и къ великому моему удивленію вижу входящую Гунильду въ послѣдствіи Губерта ея сына въ полномъ вооруженіи. Первый ихъ приступъ былъ убійство моего слуги, и я остался тогда въ полной ихъ власти. Губертъ приблизился и приставляя къ груди моей оспріе кинжала: вошь, говорилъ мнѣ, награда швоего предательства. — Измѣнникъ, вскричала жестокая Гунильда, мужъ мой не хотѣлъ наказать тебя за злодѣянія; но

ты не избѣгнешь отъ праведнаго моего мщенія. — Скажите мнѣ, говорилъ я имъ, въ чемъ состоятъ преступленія мои? — Но прежде этого выпей сей ядъ, возразилъ свирѣлый Губертъ. — Предатель, продолжала мать его, не намѣренъ ли ты былъ обезчестить супруги своего Государя? Мой сынъ будетъ мещинелемъ; Губертъ принудь его принять напитокъ. — Государь мой, говорилъ я ему, я ни когда не былъ причастенъ преступленіямъ, въ копорыхъ меня обвиняютъ, и Княгиня извѣстна о моей невинности. — Но она опасаясь какъ видно чтобъ я не открылъ сыну ея истинны, вырвала у него кинжалъ, и готовилась поразить меня. — Остановишесь, Государыня, вскричалъ я, я соглашаюсь умереть. — Губертъ поднесъ мнѣ сосудъ; альковъ окружающій мою постелю былъ пространенъ и мраченъ; припвораясь глошающимъ ядъ, я розлилъ большую его часть, и увидя что осмается одна густота, копорая къ щастію опала надно сосуда, и боясь чтобъ они этого не примѣтили, бросилъ я его въ средину комна-

пы. — Но и малое количество испитого мною яда, произвело во мнѣ сильное воспаление; нѣсколько минутъ почивалъ я смерть свою неизбѣжною. — Они были такъ же въ томъ увѣрены и удалились восхищаясь успѣхомъ предпріятія своего.,,

„Коль скоро они меня оставили, вскочилъ я съ постели своей, напился чистой воды, и принялъ одного напипка, почиваемаго превосходнымъ аншидопомъ противу яда. Почувствовавши облегченіе и ободрившись, одѣлся и наразсвѣшѣ вышелъ изъ замка, не бывъ ни отъ кого примѣченнымъ, кромѣ одного приврашника, котораго щедрымъ подаркомъ побудилъ къ скромности.,,

„За нѣсколько времени до сей ужасной сцены, открылъ я между раскрашенною обдѣлкою моей комнашы поднимающуюся панель, и входъ въ подземелье которое продолжаясь подъ рѣкою приводило въ монастырскую келью. Выходъ такъ же былъ закрытъ подѣм-

ною панелью, которая изнутри кельи совершенно уподоблялась стени. Предъ нею поставленъ былъ налой, а на немъ большая картина изображающая распятіе. Не выходя еще изъ замка впащилъ я шуда шѣло моего слуги, и выпросивши у монахинь большой ящикъ положилъ его въ немъ и оставилъ въ подземельѣ.,,

,.Удалясь изъ замка вошелъ я въ монастырь, и сквозь келью ходилъ очень часто, будучи переодѣвшъ и вооруженъ въ опдѣленіе онаго мною прежде занимаемое. Я находилъ все въ такомъ же положеніи, какъ было мною оставлено, и какъ подземелье имѣло сообщеніе съ другими частями замка, то я поселилъ такой ужасъ въ виновную Гунильду, что не осмѣливаясь входить въ севѣрное опдѣленіе, она совершенно его оставила, и разнесли слухъ что вся эта часть обитаема духами. По томъ я оставилъ сію страну и соединился съ своею супругою.,,

„Нѣсколько часовъ спустя по выходѣ моемъ изъ замка Гунильда призвала привратника, и побудила его посредствомъ великой награды распространить слухъ, что видѣлъ меня уѣхавшимъ того же самого ушра. Удивленный привратникъ взялъ отъ нее деньги, не сказавъ ей что и дѣйствительно видѣлъ мой выходъ. По возвращеніи Людвигъ сказала она ему, что будто бы я хотѣлъ учинить ей насиліе, но сынъ ея тому воспрепятствовалъ. „

„Супруга моя находилась при другомъ дворѣ. При соединеніи съ нею перемѣнилъ я свое имя. Изъ всего нашего имущества оставалось только у насъ нѣсколько наличныхъ денегъ, и дорогихъ камней. Все мое недвижимое имѣніе перешло въ руки Губерша, а супруга моя лишилась своего отъ военныхъ раззореній. Мы распродали всѣ свои вѣщи и прибывши сюда, въ одеждѣ поселянъ, выбрали для обитанія своего малую хижину посреди лѣса, во ожиданіи случая къ наказанію преступленія и къ опмщенію за оскорбленія

свой. Труды нашего сына довольны были къ нашему пропитанію, и безъ нынѣшнихъ произшествій, можетъ быть провели бы мы всю свою жизнь въ крошкѣ и спокойной неизвѣстности. „

„Любопытство приводило меня по временамъ въ замокъ, въ коемъ извѣстны мнѣ всѣ проходы, и такимъ образомъ увѣдомился я о безчестныхъ предпріятіяхъ Брюншильды и распроилъ оныя. — Теперь ты видишь, Губернѣ, что я не привидѣніе: здравомыслящій человекъ не можетъ вѣрить такимъ нелѣпостямъ; при всемъ томъ не иначе какъ посредствомъ чудесностей, надѣялся я уничтожить свои замыслы. Идучи въ комнату Герцога, услышалъ я крикъ Гильдегарды и вышелъ изъ своей павели, между тѣмъ какъ ты оборотился ко мнѣ спиною. Ужасъ предсказалъ меня въ глазахъ твоихъ выше смертнаго: новое доказательство что привидѣнія или мертвецы есть одна мечта виновной совѣсти, или слабоумія. „

„Скелетъ толико удивившій Герцога Алберта и двухъ его соговарищей былъ не иное что, какъ изсохшій трупъ моего слуги; посредствомъ проволоки и пружинъ могъ я легко производить имъ видѣнныя вами дѣйствія. — Теперь сниму личину съ такъ называющейся тѣни Брюншильды.,,

Когда лицо ея было открыто, тогда всѣ съ удивленіемъ познають въ ней Игуменью, и сія Игуменья была Принцесса Эмма, которая видомъ своимъ много уподоблялась Брюншильдѣ. — Тогда вспалъ Гримоальдъ: „вы слышали, сказалъ онъ, повѣсть Графа Рихарда; приготовайтесь же теперь къ новому удивленію. — Вы видите во мнѣ сына Людвига и Аннефледы. — Другаго младенца вмѣсто меня умертвили, а меня спасли. Провидѣніе вспомошествовало покровителямъ моимъ въ содержаніи меня, и долгое время пребывалъ я не извѣстнымъ о тайнѣ своего рожденія; но наконецъ сочли они за нужное открытъ мнѣ ее, и коль скоро о томъ увѣдомился, то прибылъ сюда `подъ предлогомъ исканія приключеній, И такъ

я объявляю, что всѣ сїи помѣстья мнѣ принадлежатъ.», — Удивленный и раздраженный Албертъ хотѣлъ было ему оповѣстствовать, какъ предупрежденъ былъ въ томъ Графомъ Рихардомъ.

„Гримоальдъ, сказалъ онъ ему, ты ни что другое какъ дерзкій обманщикъ: я одинъ могу представить истиннаго и законнаго наследника; Эдгаръ приведи моихъ друзей.», Эдгаръ вводитъ двухъ стариковъ, которые объявляютъ, что они есть тѣ самые, которымъ Гунильда велѣла учинить убійство, но по согласію съ Графомъ, имѣя въ виду другія намѣренія, спасли они Принца, и положили умершаго младенца на его мѣсто; пятно же на шеѣ его здѣлано было нарочно чѣтобъ обмануть Гунильду. „Тобою самимъ, Губертъ, въ томъ свидѣтельствуюсь, говорилъ Графъ; скажи, эти два человека тѣ ли самые, коимъ мать твоя поручила умершавшаго юнаго Принца.»,

„Такъ, это справедливо, и несказанно меня удивляетъ; но долженъ признаться, что я не согласился бы въ сей

истиннѣ, ежели бы не приносила она мнѣ удовольствія видѣшь Алберта лишеннаго помѣспъевѣ своихъ. Уже давно пора жало меня сходство Эдгара съ опцемъ его, и тѣмъ большую вселяло въ меня къ нему ненависть. „

Албертѣ, безмолвный отъ удивленія, казался погруженнымъ въ глубокое размышленіе, а Графъ Рихардъ продолжалъ повѣсть свою:

„Я бдилъ надъ нимъ съ величайшимъ стараніемъ, и могу сказать что онъ достоинъ рода своего. Уже долгое время онъ любилъ вашу дочь и взаимно ею любимъ; но при всей своей горячности, ни когда они не пресступали правилъ добродѣтели. Работая въ садахъ замка имѣлъ онъ частые случаи съ нею разговаривать. Гильдегарда не рѣдко посѣщала мою супругу; она знала что сынъ мой не былъ простымъ поселяниномъ. Я называю его своимъ сыномъ для того, что всегда ощущалъ къ нему вѣжностъ роданельскую. Она намѣрена была пожертвовать любовію своею должности и забыть Эдгара; но опасно-

сти которымъ не давно онъ подвергался возбудили и придали новыя силы страха ея.,,

Албертъ воздыхалъ и казался нерѣшимымъ, но коль скоро Графъ преспалъ говорить, вспалъ онъ, взялъ за руку дочь свою, и представляя ее Эдгару, наполнилъ сердца ихъ радостію, удивленіемъ и признательностію. — „Дѣли мои, говорилъ онъ имъ; эти помѣстья ваши; я вамъ ихъ возвращаю и желаю вамъ щасливыхъ дней.“ — „Нѣтъ, государь, отвѣчалъ Эдгаръ, повергаясь предъ нимъ на колѣни, доколѣ будемъ имѣть щастіе наслаждаться продолженіемъ дней вашихъ, сіи помѣстья при надлѣжатъ вамъ; я ни чего не желаю кромѣ вашей дочери: дозвольте намъ пребывать въ замкѣ подъ вашимъ покровительствомъ, и отъ однихъ васъ желаемъ мы всегда зависѣть.“ — Гильдегарда приняла тоже положеніе, и просила отца своего склониться на требованія Эдгара. Албертъ обнялъ съ нѣжностію дѣшей своихъ и согласился на ихъ желаніе. — По томъ обратясь къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ сей инше-

ресной сцены, увидѣлъ что одного изъ нихъ недоставало: Гримоальдъ мститель разсудилъ скрыться не примѣтно; онъ конечно пошелъ искать новыхъ приключеній, и какого ни есть другаго замка, гдѣ бы могъ съ лучшимъ успѣхомъ оказать свои требованія и неуспрашиваемость.

Губертъ осужденъ былъ къ вѣчному заключенію; роздали его помѣстья, оказавъ въ семъ раздѣлѣ преимуществво достойнѣйшимъ. Жакмаръ получилъ порядочный удѣлъ для дѣшей своихъ. Эдгаръ сочелся съ Гильдегардою и замокъ Герцога Алберта учинился жилищемъ согласія, мира и благоденствія. — Сиръ Раймондъ нѣсколько спустя возвратился въ Англію, и въ бумагахъ оставшихся послѣ его смерти, нашамъ подробности сей исторіи.

КОНЕЦЪ.